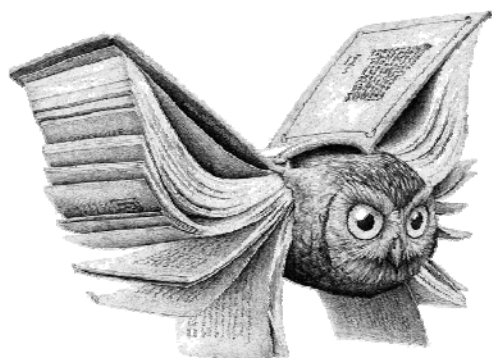
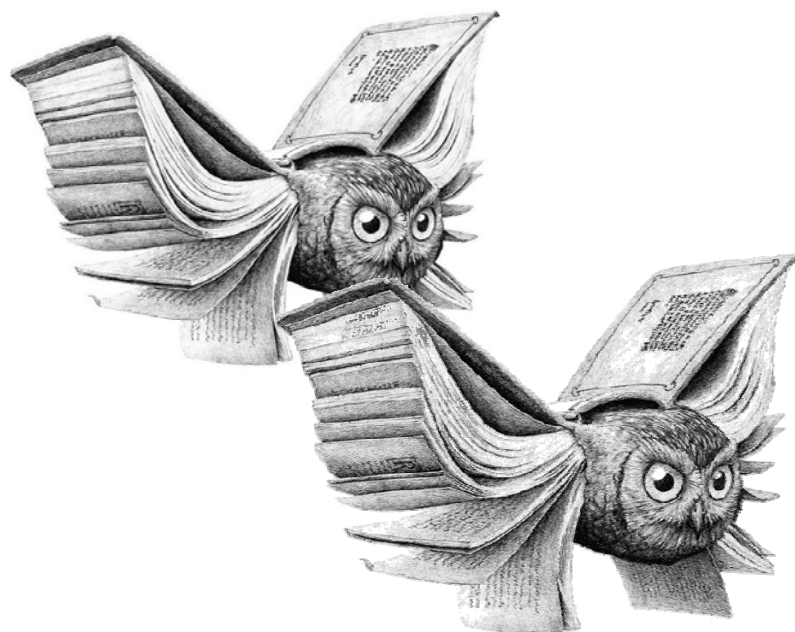

№ 2 (3)' 2016
Июнь

СОФИЯПОЛИС

Электронный научный журнал
гуманитарных исследований

Редакционный совет

Бернюкевич Т.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета

Иванова Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры социологии Забайкальского государственного университета

Павлов А.В. – доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета

Шемелин А.В. – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета

Главный редактор

Крылов Д.А. – доктор философских наук, президент Забайкальской гильдии политологов и социологов, руководитель школы "Новые софисты"

Редакционная коллегия

Горковенко А.Е. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Забайкальского государственного университета

Романов И.А. – кандидат филологических наук, декан факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета

Черняк Е.Г. – директор Образовательного центра дополнительного обучения ЧОУ ДПО "Интегра"

Янков И.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры Мировой Экономики и Логистики Уральского государственного университета Путей Сообщения (УрГУПС)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
РАЗДЕЛ I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Крылов Д.А. Между демократией и традиционализмом	5
Ст-н Амир. Демократия и Бесплезные выборы	17
Шемелин А.В. Информационно-коммуникационные технологии в политике	24
РАЗДЕЛ II. СОЦИОЛОГИЯ	39
Иванова Ю.В. Разнообразие научных подходов к традиции	39
РАЗДЕЛ III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	52
Романов И.А. Литературная цензура в России: культурологический и аксеологический аспект	52
РАЗДЕЛ IV. NEMO NASCITUR DOCTUS	71
Лю Гопин (КНР). Метафора в русской прозе: традиции и современность	71
РАЗДЕЛ V. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ	75
Иванов В.А. , Куликов В.В. «Закат Европы» в зеркале сибирской публицистики	75
Куклярский Ф.Ф. Кладбищенский пророк (Освальд Шпенглер)	80

ОТ РЕДАКТОРА

Искание мудрости может быть представлено не только как достойная разума цель, но и как ошибочный путь, ведущий к страданиям. Это и было зафиксировано в текстах Ветхого Завета, где описано грехопадение Адама и Евы. Это история о соблазнении Евы змием и вкушением яблока от древа познания.

Хотя сохраняется подозрение, что прикосновение простоты к мудрости как раз и оказывается ошибочным путем, ведущим к падению человека. Мудрость оказывается противницей естества, где нет места для интеллектуального возвышения над обыденностью. В итоге, большая часть интеллектуальных построений оказывается ангажированными действиями, направленными на обеспечение иррационального согласия с внешними формами организации общества. Мудрецам отказывают в практике воплощения идей. Вспомним, чего стоил опыт мыслителя древности Платона, решившегося поучать тиранов Сиракуз. Едва не став рабом, он почел за счастье провести остаток жизни, обучая молодых афинян.

Мудрости сложно пробиться сквозь толщу невежества и самомнения, о чем можно почерпнуть сведения уже из «Книги притч Соломоновых»:

²⁰ Премудрость возглашает на улице,

на площадях возвышает голос свой,

²¹ в главных местах собраний проповедует,

при входах в городские ворота говорит речь свою:

²² «доколе, невежды, будете любить невежество?

доколе буйные будут услаждаться буйством?

доколе глупцы будут ненавидеть знание?

²³ Обратитесь к моему обличению:

вот, я изолью на вас дух мой,

возвещу вам слова мои.

²⁴ Я звала, и вы не послушались;

простирала руку мою, и не было внимающего;
²⁵ и вы отвергли все мои советы,
и обличений моих не приняли.
²⁶ За то и я посмеюсь вашей погибели;
порадуюсь, когда придет на вас ужас;
²⁷ когда придет на вас ужас, как буря,
и беда, как вихрь, принесется на вас;
когда постигнет вас скорбь и теснота,
²⁸ тогда будут звать меня, и я не услышу;
с утра будут искать меня, и не найдут меня.
²⁹ За то, что они возненавидели знание
и не избрали для себя страха Господня,
³⁰ не приняли совета моего,
презрели все обличения мои;
³¹ за то и будут они вкушать от плодов путей своих
и насыщаться от помыслов их.
³² Потому что упорство невежд убьет их,
и беспечность глупцов погубит их.
³³ а слушающий меня будет жить безопасно
и спокойно, не страшась зла» (Кн. 1. Стих 20-33).

И чего после этого стоят слова антиинтеллектуалов начала XVI века о том, что следует отвечать истинному верующему: «...человек сельский, учился буквам благодатного закона, а еллинских борзостей не текох, с мудрыми философами в беседе не бывал». Отказ от гнозиса имел принципиальное значение для тех, кто жил внешними установлениями и правилами без понимания и допущения иного.

Будь проще и к тебе потянутся люди, – говорит народ, но простота ведь хуже воровства...

*Главный редактор «Софияполис»
Дмитрий Крылов*

I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 321.7

Д.А. Крылов
Забайкальская гильдия
политологов и социологов,
президент,
доктор философских наук
E-mail: dmdak@yandex.ru

Между демократией и традиционализмом

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с процессом демократизации и глобализации мира, поиска альтернативных путей развития и сохранения национальной идентичности. Утверждение нового мирового порядка, ставшее результатом одной из последних волн демократизации, столкнулось с борьбой государств за сохранение суверенитета. Проводится сравнение встречных процессов в странах Латинской Америки и России.

Ключевые слова: демократия, демократизация, третья волна, глобализация, идентичность, Латинская Америка, Россия, суверенитет, традиционализм.

D.A. Krylov
Trans-Baikal association
of political sciences and sociology,
President,
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: dmdak@yandex.ru

Between democracy and traditionalism

Annotation: In the article the problems, connected with the process of democratization and globalization of peace, search for the alternative ways of development and retaining the national identity, are examined. The assertion of new world order, which became result of one of the last waves of democratization, encountered the fight of states for the retention of sovereignty. The comparison of counter processes in the countries of Latin America and Russia is conducted.

Keywords: democracy, democratization, the third wave, globalization, identity, Latin America, Russia, sovereignty, traditionalism.

Споры о демократии и демократических процессах в мире и в России, в частности, поутихли. Политологи расставили свои оценки и остались при своем мнении, тогда как политики остались при своих оценках происходящего, продолжая действовать исходя не из фундаментальных ценностей, а из соображений политической конъюнктуры. Стало очевидным несовпадение между формой провозглашаемого и внутренним содержанием. Тем более, что объявление той или иной страны демократической, как известно, не равнозначно переводу понятия во внутреннее пользование.

«Третья волна» демократизации, согласно автора этой идеи Самуэля Хантингтона, начавшись в 1974 году с поенного переворота в Португалии, прокатилась по Южной Европе, достигла Латинской Америки, стран Азии и снова вернулась в Европу, где опрокинула находившуюся в кризисе советскую систему. И здесь стоит обратить внимание на сомнения, высказанные исследователем, по поводу возможности победы демократии в СССР. Свое мнение он подкрепил ссылкой на Андрея Сахарова, сказавшего в 1989 году по поводу политики, проводимой М.С. Горбачевым: «Средний курс в подобных ситуациях практически невозможен. Страна и вы лично стоите на распутье – либо максимально ускорить процесс перемен, либо попытаться сохранить административно-командную систему со всеми присущими ей свойствами» [13, с. 150].

Как некий парадокс, о котором стоит размышлять отдельно, это продолжающиеся до сих пор споры о демократии в России. Объявление России страной демократической выглядит не более убедительным, чем историческое заявление Екатерины II, провозгласившей Россию европейской страной. По оценкам «Фридом Хаус» (Freedom House) Россия в 2013 году получила оценку 6,21 балла по шкале «от 1 до 7». Ниже России в рейтинге расположились: Азербайджан (6,64 балла), Беларусь (6,71), Казахстан (6,57), Таджикистан (6,25), Туркменистан и Узбекистан (по 6,93) [14].

Тем самым был сделан общий вывод о снижении процесса демократизации в 17 из 36 стран, а Россия прямо объявлена страной с

авторитарной политической системой. Исходя из предложенной оценки ситуации в стране и известных выводов о неоднородности в процессе распространения третьей волны демократизации, можно говорить о возрождении авторитарной системы, использующей институты либерализма для сохранения внешнего реноме и политической стабильности. Ссылка на процедурный характер установленных политическим режимом правил явно недостаточна, так как отражает, скорее, требование внешней формы, а не отражает внутренней политической конкуренции при развитом гражданском обществе. Руководство России вернуло властные административные рычаги, объявив себя единственным гарантом общественного согласия и политической стабильности.

Вместе с тем нельзя не учитывать и тот факт, что начавшийся процесс либерализации совпал с кризисными процессами, что привело в целом к негативному восприятию самих реформаторов и тех методов, которыми проводилась либерализация страны. Как писал еще С. Хантингтон: «Либерализация может привести, а может и не привести к полномасштабной демократизации» [13, с. 19].

Для понимания встречных или процессов, направленных против транзита демократии как формы внешней экспансии, необходимо проанализировать ситуацию, которая наблюдается в странах третьей волны. В частности, стоит обратить внимание на страны Латинской Америки, где был констатирован так называемый «левый поворот». Снижению интереса к демократии в этих странах способствовал целый ряд факторов. Как пишет профессор Марио Магальон Анайя: «Неолиберализм и глобализация, навязанные международными кредитными организациями, ограничили свободное политико-экономическое развитие. Рост накопления капитала национальных объединений экономической мощи, а также внешних игроков, повлек за собой крайнее обнищание в экономическом, социальном и духовном плане» [1, 36].

В начале 2000-х годов «левый поворот» охватил целый ряд латиноамериканских стран, приобретая различные черты от крайнего левого радикализма в Венесуэле, Боливии, Никарагуа, Эквадоре, до умеренного центризма в Бразилии, Аргентине, Уругвае, Перу и Чили. В 2004 году по инициативе харизматического радикала Уго Чавеса и не менее харизматического руководителя Кубы Фиделя Кастро был создан Боливарианский Альянс (ALBA), где важнейшим моментом было включение в название понятия «наша Америка» (Nuestra America). Организация появилась в противовес идее США по созданию зоны единого торгового пространства от Аляски до Огненной Земли. Сами же США рассматривались участниками Альянса в качестве империи, которой должны противостоять страны с общей исторической и культурной базой.

Вместе с тем идейного единства среди стран Латинской Америки нет, а есть стремление к доминированию. Но внешне оно скрыто за желанием восстановления наследия Симона Боливара – Великой Колумбии или Великой Родины (Patria Granda). Во всяком случае левые идеи не выходят за рамки неких действий по снижению бедности, решению проблем социальной справедливости, и делается это при сохранении неолиберальной или открытой экономики. Не случайно, что такого сторонника троцкизма как Уго Чавеса обвиняли в демагогии. По оценке венесуэльского экономиста Доминго Альберто Ранхеля: «Чавес – не революционер», «Он ничем не затронул капитализм в стране», «Чавес лояльно относится к западным нефтяным компаниям», «Чавес старательно исполняет договоренности о поставках нефти в США», «Чавес – ловкий демагог» [11, с. 33].

Здесь можно было бы обратить внимание на заявления президента Бразилии Луиса Инасиу Лула да Сильва, который неоднократно заявлял о том, что он не принадлежит к левым, но «обязан быть левым, чтобы бороться за равенство, за то, чтобы все могли пользоваться плодами развития», тем самым подчеркивая свою дистанцию от радикально настроенных сторонников левых убеждений [9]. Правительство Лулы не только не

противодействует глобализации, но активно сотрудничает с МВФ и Всемирным Банком.

Несомненно, что на примере Латинской Америки мы наблюдаем своеобразный поиск «третьего пути». Протест против притязаний США на глобальную гегемонию породил движение альтерглобализма. На это указывают и отечественные исследователи с поправкой на местную специфику: «Отличительные черты альтерглобалистского феномена в Латинской Америке определяются переплетением двух тенденций: 1) общественных выступлений против тяжелых социальных последствий глобализации в ее нынешней форме и 2) политического курса правительств Венесуэлы и ряда других стран, стремящихся к социальной ориентации развития и противодействующих попыткам правящих кругов США отождествить объективный процесс глобализации с собственной гегемонией» [6].

В целом мы должны отметить, что левоцентристские и радикальные левые режимы в странах Латинской Америки не отказываются от сохранения демократических процедур. Тем более, как показали дальнейшие события, прежние сторонники левых убеждений отошли вправо, говоря о необходимости сохранения плюрализма и децентрализации экономики.

Здесь мы должны обратить внимание на процесс, который характеризует некое собственное движение российским политическим руководством к пониманию демократии. В итоге оно вылилось, как известно, в формулу утверждения суверенной демократии. В итоге эта формула приобрела черты не просто взгляда на демократию как таковую, а стала прологом к рассуждениям о собственной избранности. При этом мало кто в руководстве стремился понять, действительно ли речь идет о демократии и не имеет ли место банальная подмена понятий. Последовали удобные в таких случаях ссылки на отсутствие единого определения. При этом никто не пытался возразить, не было ни малейшего сомнения в том, что мы знали об этом и раньше.

Важно было здесь не ошибиться в выборе линии поведения и не заявлять во всеуслышание, что мы «сами с усами». Хотя иногда это выглядит вполне убедительно и может ввести в заблуждение даже опытных людей. Такой казус, к примеру, вышел с заявлением постоянного представителя Фонда Фридриха Науманна в России и странах СНГ Фалька Бомсдорфа, сказавшего: «"Мы сами с усами" – это, как мне кажется, самая либеральная пословица. Она демонстрирует (это мое толкование), что индивидуализм завоевал в России свое место. "Мы сами с усами" – это значит, что Россия не нуждается в помощи, что нужны сотрудничество и диалог. Именно в этом и состоит концепция Фонда Фридриха Науманна» [4, с. 9].

Очень быстро становится ясно, что все разговоры о самостоятельности легко превращаются в банальное антизападничество. Противопоставление себя Западу стало навязчивой идеей и вылилось в известное противостояние западников и славянофилов. Претензия если не на равенство с Европой, то на нечто более значимое довлеет над коллективным сознанием российского интеллектуального сообщества. Мало кому хочется признать себя пускай и суверенной, но периферией Европы.

Мода на определенные термины и их использование в общественно-политической практике – тема слишком пространная, но отражающая неустойчивый характер тех идей, которые используются в качестве декларируемого образа политического тела. Рассуждая на манер «дорожная карта», уполномоченные по правам, средний класс, законность, демократия, мировая экономика, как правило, демонстрируют именно причастность к обязательным внешним формам, необходимым для показа своей сопричастности к мировому развитию.

Перехват актуальной терминологии со стороны тех, кто находится у власти, не есть факт сам по себе негативный, но не является он и поводом для объявления действующих институтов современными или модернизированными. На деле оказывается, что даже о частичном демонтаже прежнего политического устройства не может быть и речи. Достаточно

вспомнить расхожее представление, запущенное сверху: «Свобода – это не вседозволенность».

Политическое господство, вне зависимости от используемой типологии, является детерминирующей силой, используемой одними с целью подчинения других. При этом, как считает А. Кожев, всякое властное действие легально или легитимно уже по определению. Тогда как «Законность есть *труп* Власти или ее "мумия" – тело продолжает существовать без души и без жизни» [7, с. 22]. Тем самым мыслитель ставит под вопрос саму возможность соответствия власти и законности. Во всяком случае, именно стремление власти к абсолютизму и вызвало в свое время обратную реакцию со стороны той части общества, которая стремилась к ограничению властного произвола, доступа к ресурсам и свободе, в том числе и в ее исходном английском варианте.

Как пишет З. Бауман: «В древне- и среднеанглийском свобода всегда означала льготу (*exemption*) – избавление от налога, пошлины, подати, юрисдикции лорда. Льгота, в свою очередь, означала привилегию быть допущенным к исключительным правам – корпорации, города, сословия. Лишь те, кто получил эти льготы и привилегии, вступали в ряды знатных и благородных. До конца шестнадцатого века свобода была синонимом благородного (*gentle*) рождения или воспитания, знатности, щедрости, великодушия – всякого человеческого свойства, которое власть имущие объявляли признаком и причиной своей исключительности и превосходства» [3, с. 23].

По сути, государству и власти предлагалось ограниченное управление согласно принятым правилам, как это произошло в ходе «Славной революции» 1688-1689 годов. Достаточно привести принцип, реализуемый уже в современной Великобритании, согласно которому, король или королева «правит, но не управляет». Проще всего реализовать свои интересы удалось гражданскому обществу в Северной Америке, сумевшей освободиться от имперского пресса Великобритании и не обладавшей грузом феодального

прошлого. Согласно выводу Д. Кола, «действительно, мы находим там государство, которое не выполняет никакой экономической роли, так что государство и гражданское общество существуют "адекватно их понятиям". Эмпирическая реальность и реальность рациональная совпадают полностью» [8, с. 305].

То, что в российском государстве сохраняется примат политического над экономическим не вызывает сомнений, как впрочем и то, что различие между государственным и политическим носит более чем условный характер. По сути именно государство выступает в качестве абсолютного начала, тотально подчиняющего иные формы общественной и экономической жизни. Замечу, что недостатка в подобного рода оценках засилья власти в стране нет, как в России, так и за рубежом. В качестве примера можно привести мнение Ф. Погодина, пишущего, что, пытаясь убедить мировое сообщество в том, что в стране установлена стабильная демократия, власть рассуждает о гражданской активности. Но это только рассуждения: «С другой стороны, власть стремится воплотить химеру великой России. Вертикаль власти вроде бы выстроена, с политикой покончено (о какой политике может идти речь, если главная цель партий и группировок – завоевать благосклонность президента?), госкапитализм крепчает. Дело за малым – сплотить население во имя великой патриотической цели, а именно: безоговорочной поддержки власти. Население, однако, должной активности не проявляет. А значит, надо его организовать в гражданское общество. Причем гражданское общество особого типа. С "русской душой"» [2, с. 14].

Сторонник идеи «холодной войны» Джордж Кеннан с самого начала был не очень высокого мнения о возможностях цивилизованного развития России. Он опирался на оценку особенностей развития частной инициативы в дореволюционной стране: «Характерной чертой этого развития было быстрое накопление денежных средств в руках отдельных лиц и семейств... отсутствие необходимой традиции ответственности... способ расходования этих богатств зачастую казался столь же сомнительным, как и пути,

которыми они приобретались» [12, с. 6]. Это высказывание служит необходимым дополнением к пониманию отсутствия традиции гражданского общества, сравнимой с западным. Его рождение связано с развитием т.н. малой экономики, и в этом своем качестве оно возникает в противовес и государству и собственно экономике как системе макроотношений.

Претензии власти на некую универсальную всеобщность вводит исключительность в значение государства и его институтов, тогда как гражданское общество ставится в прямую от него зависимость. Не в последнюю очередь это относится к политическим действиям, которые получают негативную оценку и рассматриваются как деятельность противников российской государственности. Так, отметим, известное отношение и негативное высказывание В.В. Путина, который назвал белый символ протестного движения зимы 2011-2012 годов презервативом: «Мы имели дело с целым рядом различных революций: то с "оранжевой революцией", то с "революцией роз" в Киргизии, то еще с какой-то революцией». В целом же ему «было обидно за тех людей, которые используют наработанные где-то за бугром технологии» [10].

Проводя различие на системную и несистемную оппозицию, руководство России не признает самой возможности развития той же партийной системы не как придатка исполнительной власти. Президент контролирует большую часть механизмов политической власти и существует независимо от партий. «Единая Россия» или Общественная палата на деле оказываются проектами фасадной демократии, так как лишены реальной возможности влиять на принимаемые решения. Это ошибочный путь, где цели государства постоянно меняются, ибо, если следовать Ж. Делезу, «из репрезентации ускользает утвержденный мир различия. У репрезентации только один центр, единственная убегающая перспектива, а посему и ложная глубина; она все опосредует, но ничего не мобилизует, ничем не движет» [5, с. 78]. Эта ложная попытка скрыться от множественности и неопределенности

рождает лишь иллюзию однозначного и возможности сходного или тождественного.

Подмена понятий – не лучший путь к утверждению желаемого образа. Реальные действия по достижению социального мира строятся не на основах идей создания справедливого общества, а в грубых формах противостояния всему, что вступает в противоречие с идеей величия государства как такового, т.е. идеальной сущности или гражданственности. Публичная сфера сужается, а все дискуссии ведутся лишь по поводу того, кто патриотичнее всех. Совершенно не случайно, что в последнее время активно используются образы героической победы в Великой Отечественной войне. А ведь делается это за рамками истории Советского Союза и советского народа.

Соответственно, следует ожидать и реакции, которая будет носить политический характер. Проблема состоит в том, что горизонтальные отношения в России так и не получили своего развития. Политическое же как принудительное начало при проведении реформ не нашло своей поддержки в неорганизованных массах. Упор на консервативные ценности оказывается вполне закономерным действием, как и противостояние миру, находящемуся в вызове по отношению к России.

Российская государственность – вот то, что при всех исторических коллизиях сохранялось как исключительная ценность. Ультимативность такой установки связывалась с представлением о собственной особенности и оппозиции ко всему остальному миру. Такой подход предполагает постоянную мобилизацию всех ресурсов под эгидой абсолютной власти.

Идя по обозначенному здесь пути, мы слишком легко переходим к теме восточной деспотии. К этой линии примыкает и деспотия Иоанна IV, и самодержавие Петра I, и тоталитаризм Иосифа Сталина. Это образцы неправильных форм правления, если о них говорить в духе Аристотеля. Но, как мы помним, у греков была и собственная проблема, связанная с периодически возникавшей тиранией. Не менее интересен и западноевропейский абсолютизм. Или чего стоит опыт итальянского

фашизма с известным лозунгом Бенито Муссолини: «Все в Государстве, ничего вне Государства, никогда – против Государства».

И все же различие есть. Без этого не обойтись, хотя бы с точки зрения российской истории, всегда требующей к себе особого отношения. Здесь мы всегда обнаруживаем стремление к нарративному идеализму с его претензией на истинность, а не правдоподобность. В итоге мы находим некий живописный проект, помпезную видимость истории и отсутствие нейтральных выводов. Все что не попадает в такое прокрустово ложе, объявляется, в лучшем случае, негативной интеллектуальной агрессией.

Речь идет не об альтернативной истории, а лишь о направленности развития политических, экономических и социальных отношений. Развитие подданнической культуры отвечало интересам деспотического управления государством. Исключить этой особенности мы не можем и сегодня. Ведь историческая память на нарративы как на мифы оказывается крайне живучей. К примеру, сошлемся на живучесть образа И. Сталина. Несмотря на весь тот террор по отношению к собственному народу его продолжают, пускай и не все, рассматривать как человека, которому страна обязана своим могуществом и величием. Эти ипостаси оказываются образами «темного» и «светлого» вождя, обладавшего законным правом на разрушение и созидание во имя великой цели.

Таким образом, дело оказывает не в недостатке исторических данных или критериях истинности. Вслед за Фейербахом можно говорить о том, что из природы человека мы и должны выводить и сущность общественного устройства, и политику, и право, и мораль, и т.д. Для патерналистского сознания образ вождя и отца народа просто необходим.

Рассуждения о разных видах демократии для разных стран и народов имеют под собой вполне ясную подоплеку: неважно как вас оценивают, если вы считаете так. Мы считаем, что у нас демократия и она соответствует неким основным признакам: постоянная система перевыборов законодательной власти и руководителя государства; соблюдается свобода

слова и независимость средств массовой информации; провозглашена воля большинства, каждый гражданин имеет право на участие в управлении государством и принятии решений; источником власти является народ.

Но вот дальше простой констатации неких положений из «демократического набора» дело не идет. И в действительности мы имеем в большей или меньшей степени демократичный авторитарный режим. Упорство с которым сегодня ведутся разговоры об утверждении традиционных ценностей в целом понятны, но они вступают в противоречие с процессом либерализации экономики России, ставя страну перед выбором: или демократизация или традиционализм с неопределенным прошлым.

Список литературы

1. Анайя М.М. Современное состояние демократии и политики в Латинской Америке // Современная мысль Латинской Америки: идентичность и глобализация. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. 120 с. С. 32-49.
2. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Гражданское общество: понятие, концепт, ценности (Аналитический обзор литературы) // Идея гражданского общества. Ведомости / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова.- Тюмень: НИИ ПЭ, 2003. Вып. 22. С. 6-74.
3. Бауман Э. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. 132 с.
4. Бомсдорф Ф. Вступительное слово // Горбачевские чтения: Становление демократии в современной России: От Горбачева до Путина: Перестройка 20 лет спустя: Взгляд молодых исследователей. М.: Горбачев-Фонд, 2004. 170 с. С. 8-9.
5. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
6. Пятаков А.Н. Латиноамериканский альтерглобализм – новый фактор региональной политики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04. М.: Институт Латинской Америки Российской Академии наук, 2007.
7. Кожев А. Понятие Власти. М.: Праксис, 2006. 192 с.
8. Кола Д. Политическая социология / Пер с фр. М.: Издательство «Весь Мир», «ИНФРА-М», 2001. 406 с.
9. Окунева Л. «Левый поворот» и демократия в Латинской Америке [Электронный ресурс] // Международные процессы. Журнал теории

- международных отношений и мировой политики / URL: <http://www.intertrends.ru/nineteenth/005.htm> (Дата обращения: 28.02.14).
10. Путин рассказал «Селигеру» о белых ленточках и гражданском обществе. [Электронный ресурс] // Известия. 2012. 31 июля / URL: <http://izvestia.ru/news/531853> (Дата обращения: 04.02.2013).
  11. Сапожников К.Н. Уго Чавес: одинокий революционер. М.: Молодая гвардия, 2011. 270 с.
  12. Трудолюбов М. Молоко и мед // Трудности перехода: демократия в России. М.: Издательство Неостром, 2004. 115 с. С. 6-8.
  13. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.
  14. Freedom House: Развитие демократии в странах переходного периода в 2013 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий / URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/06/19/6016> (Дата обращения: 12.01.14).

УДК 32

Амир Ст-н,
независимый исследователь
e-mail: amirst-n@mail.ru

Демократия и Беспольные выборы

Аннотация: В статье рассматривается проблема несоответствия внешней формы политического устройства Российского государства внутреннему содержанию. В итоге, политическая борьба превратилась в фарс, а выборы всех уровней утратили принципиальное значение для граждан. Сами избиратели в политическом плане оказались людьми без свойств. Во главе процесса выборов стоят государственные распорядители, а не решение конфликта пользы и справедливости.

Ключевые слова: политические выборы, инертные массы, демократия, подражание, энтропия сознания, политические принципы, польза, справедливость.

Amir St-n,
independent researcher
e-mail: amirst-n@mail.ru

Democracy and elections are Useless

Annotation: The article deals with the problem of inconsistency in the external form of the political structure of the Russian state internal content. In the end, the political battle has turned into a farce, and elections at all levels have lost their fundamental importance for citizens. The voters themselves in political terms, men without qualities. At the head of the election process are public managers, not the decision of the conflict of good and justice.

Keywords: political elections, inert mass, democracy, imitation, the entropy of consciousness, political principles, benefits, justice.

Осуществление выбора предполагает осознанное решение, принятое на основе достоверной и максимально полной информации. Но, кто, скажите на милость, будет тратить время на принятие решения за которым ничего в реальности нет, т.е. на выборы партии или кандидата? Вот если бы на кону был миллион или два, а так уж нет, увольте...

Разумеется, ВСЁ НЕ ТАК ПРОСТО, и я также принимал решение писать эту статью, рассуждая о важности моего мнения. В чем я, естественно, не уверен до сих пор. И тут я полагаюсь в большей мере на Его величество случай, который заставит некоторое количество людей ознакомиться с моим текстом, возможно, даже приняв его за руководство к своим собственным действиям.

Один американский профессор Брайан Вансиник, исследуя проблему необдуманного питания, подсчитал, что только решений поесть человек принимает ежедневно 250 раз. По всей видимости, с кодексом самураев они не знакомы, где выбор между есть и не есть, решается в пользу последнего. Правда, выбор между жизнью и смертью оптимистичным не назовешь.

Еда, несомненно, занимает одно из важных мест в существовании большинства людей. Отсюда и актуализация процессов, связанных с пищей и, соответственно, решений, которые принимаются исходя из индивидуальных предпочтений, принятых традиций и запретов.

Выборы от главы государства до местных депутатов не представляют собою жизненно важной цели, а значит, если нет внешнего принуждения, могут рассматриваться людьми в своей массе, в качестве досадной помехи. Речь идет о массах людей, которые утратили свою репрезентативность и установку на собственную гражданскую позицию. Ситуация сходна с той, которую описал Жан Бодрийяр, рассуждая о конце социального и утверждения инертности масс или молчаливого большинства [1].

Российские выборы стабильно демонстрируют формальный характер, поддерживаемый постоянным изменением правил игры при безвольном поведении избирателей. Вспышка событий на Болотной площади едва ли не единственный случай недовольства последнего десятилетия тех, кто осознал себя не глупым большинством, а равнодушными участниками политических процессов. Но дальше этого, как известно, дело не пошло и процесс брожения был пресечен на корню. Власти успешно использовали страх перед переменами и патриотические настроения, связанные с ностальгией по прежнему величию страны. В итоге, почти все политические партии заявляют о своей приверженности российской традиции и консервативным ценностям. Отличия здесь не играют значимой роли, так как приверженность либерально-демократическим ценностям воспринимается как преклонение перед враждебной западной культурой.

На фоне поддерживаемой властью инфантильности населения проводится формальная работа по актуализации активного избирательного права. Но связано это не с рефлексивными способностями избирателей, а с их активным и направленным участием в избирательных кампаниях. Авторитарный подход к таким действиям очевиден и в качестве примера можно сослаться на заявление С. Шойгу в бытность его министром МЧС в 2003 году: «Человека, который трижды без уважительной причины не придет на выборы, надо лишать российского гражданства. Если он не хочет выбирать власть, значит, ему безразлично, в какой стране жить» [10].

Подобие демократии, подаваемое как суверенная демократия, объявляется в качестве собственной вековой традиции: «Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а естественным путем и в определенный исторический момент возникшая в ней самой ценность, равно значимая в российском общественном сознании еще двум ценностям – свободе (в том числе и независимости, суверенности русской нации и русского государства) и справедливости» [9, с. 8].

Учитывая установку на имперскую историю страны в авторитарном формате, подобные заявления искажают действительность, рождая искусственные химеры. На подобное искажение походит и, скажем, название Либерально-демократической партии России, структурированной как партия авторитарного вождя. Использование подобного оказывается формой политической уловки, призванной обеспечить подключение к известным брендам на волне роста неопределенности. Сегодня В. Жириновский предлагает все партии запретить и перейти к имперской форме управления, власти монарха, выбранного без участия народа особой группой «лучших людей» [8].

Показательно, что в сознании обывателей партия воспринимается по аббревиатуре ЛДПР, тогда как полное название ставит людей в тупик. Игра в слова имеет особое значение для власти, придерживающейся платоновского понимания политики как искусства, где политик не заботится о предписаниях, а действует сообразуясь с собственным пониманием лучшего [6, с. 55]. Заметим, что сказано это было задолго до Никколо Макиавелли.

Происходящее наводит на аналогию с постановкой спектакля, которое превращается в нескончаемое действие и где даже идейные противостояния не более чем очередное ток-шоу. Как известно, Ги Дебор описал общество спектакля, где пассивные созерцатели ждут очередной постановки из жизни особого псевдомира, «где обманщик лжет себе самому» [3, с. 23]. В таком мире уже нет места подлинному. Остается лишь соблазн, который имитирует и создает видимость, в том числе и демократии. Соблазн оказывается не

более чем искусом или соблазном зла. На этом настаивает Жан Бодрийяр, говоря о возрастании соблазна в мире [2, с. 25].

Хотя идея и из набора библейских постулатов (Книга Даниила) и близка к Апокалипсису, она призвана показать утрату смысла в его следах. Перенос одного на другое и его замена как в поле, замена мужского на женское, замещение смысла и его вытеснение, ведет к катастрофе в мире подлинного и установлению царства видимостей. Вот только в нашем случае эта видимость рождается из самой политической системы, где воля к власти поглощает любую форму сексуальности и стерилизует общество.

Политика призывающая к симфонии власти и народа, есть смерть политики. В политике обязательно должно присутствовать несогласие. При этом, несогласие не означает, как полагает Жак Рансьер, конфликта между тем, что считать «белым» и «черным». Речь идет о различиях в понимании «белого» или недопонимания другого, которое рождается из неотъемлемых заблуждений говорящих [7, с. 15]. Точка несогласия выступает необходимым условием для политической дискуссии, где основными темами выступают благо, польза, справедливость и свобода. Разумеется, что для этого требуется выстраивание сложных форм активного социального поведения, направленного на выражение собственной позиции. В противном случае оппозиция приобретает номинальный или скрытый характер, где недовольство находит свой выход в психозах, а не политических акциях.

Здесь можно сослаться на разделение оппозиции на системную или парламентскую и несистемную или антигосударственную. Не случайно, что проводя различие на системную и несистемную оппозицию, руководство России не признает самой возможности развития той же партийной системы как конкурирующих частей общества в борьбе за власть, а не как придатка исполнительной власти. Президент контролирует большую часть механизмов политической власти и существует независимо от тех же партий. «Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР или Общественная палата на деле оказываются проектами фасадной демократии, так как лишены реальной

возможности влиять на принимаемые решения. Они не более чем инструменты управления обществом, а не катализаторы мобилизации общественных настроений.

Поэтому и нет большой разницы в политическом наборе партий-статистов или спарринг-партнеров исполнительной власти. Цели государства выстраиваются не на основе их обсуждения, а случайным образом, так как если следовать Ж. Делезу, «из репрезентации ускользает утвержденный мир различия. У репрезентации только один центр, единственная убегающая перспектива, а посему и ложная глубина; она все опосредует, но ничего не мобилизует, ничем не движет» [4, с. 78]. Эта ложная попытка скрыться от множественности и неопределенности рождает лишь иллюзию однозначного и возможности сходного или тождественного. Ведь отрицание это и есть необходимое различие, то, что увидено снизу. Ведь загнанное в себя сознание, погруженное в негативные оценки, начинает воспроизводить тени, которые принимает за реальность.

Подмена понятий – не лучший путь к утверждению желаемого образа. Реальные действия по достижению социального мира строятся не на основах идей создания справедливого общества, а в грубых формах противостояния всему, что вступает в противоречие с идеей величия государства как такового, т.е. идеальной сущности или гражданственности. Публичная сфера сужается, а все дискуссии ведутся лишь по поводу того, кто патриотичнее всех. Совершенно не случайно, что в последнее время активно используются образы героической победы в Великой Отечественной войне. А ведь делается это за рамками истории Советского Союза и советского народа.

Соответственно, следует ожидать и поверхностной реакции на явление бесконечного театра. Проблема состоит в том, что горизонтальные отношения в России так и не получили своего развития. Политическое же как принудительное начало при проведении реформ не нашло своей поддержки в неорганизованных массах. Гражданское общество в России прорывается через спонтанные и импульсивные действия и поэтому его не стоит

принимать в расчет на данном историческом этапе. Установка на «вечное возвращение» обрекает систему на повторение или «бесформенное бытие всех различий» [4, с. 80].

Непродуктивная авторитарная унификация общества постоянно ищет в прошлом образы будущего. Власть предрасположена, сопротивляясь открытой конкуренции, стремится затормозить любые изменения и с огромным трудом соглашается даже на минимальное перераспределение ролей. Для постоянной мобилизации общества предлагается довольно примитивная, но эффективная на данном уровне развития системы формула «мы» и «они». При такой формуле политические разночтения снимаются и в массовом сознании исчезают, превращаясь в пустой звук. То есть, партийная риторика перестает восприниматься как нечто значимое и ценное. Показательно, как на этом фоне многие кандидаты в законодательные органы вообще перестают говорить о своей партийной принадлежности.

Ценностью объявляется необходимое для государства как такового сохранение патерналистско-бюрократической формы суверенной власти. И те же выборы оказываются всего лишь формой выражения лояльности избирателей. Сюда же относятся и рост апатии к активному избирательному праву, низкий уровень рефлексии, фетишизация прошлого единомыслия и ожидания лишь «Благой вести». Тем самым, можно говорить о том, что способность участия в выборах в современной России катастрофически не равна способности избирателей к артикуляции собственных представлений о политических целях и стратегии. Пациент скорее мертв, чем жив.

Известна притча об основателе школы киников Антисфене, который предложил афинянам считать всех ослов лошадьми. На указание же нелепости его предложения, великий киник возразил: «А ведь вы простым голосованием делаете из невежественных людей – полководцев» [5, с. 217]. Нет оснований считать, что Антисфен отрицательно относился к демократии, он, скорее, говорил о необходимости мышления и знания, а не приверженности поверхностным эмоциям и внешней догме.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. М.: Ad Marginem, 2000. 319 с.
3. Дебор Ги. Общество спектакля / Пер. с фр. М.: Логос, 2000. 184 с.
4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
5. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1980. 571 с.
6. Платон. Законы. М.: Мысль, 1999. 832 с.
7. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / Пер. с фр. СПб.: Machina, 2013. 192 с.
8. Судьба России в XXI веке: Как Жириновский молодежь за монархию агитировал // Судьба России в XXI веке / URL: http://russia-xxi.blogspot.ru/2014/08/blog-post_27.html (Дата обращения: 14.05.2016).
9. Третьяков В. Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина //
10. Шойгу предлагает лишить российского гражданства тех, кто не придет на выборы // Newsru / URL: <http://news.tut.by/society/27914.html> (Дата обращения: 23.05.2016).

УДК 342

А.В. Шемелин
Забайкальский государственный университет,
доктор политический наук,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой социально-правовых
дисциплин,
E-mail: shemelin75@yamdex.ru

Информационно-коммуникационные технологии в политике

Аннотация: Статья посвящена процессу влияния информационно-коммуникационных технологий в политике. Рассматривается проблема достижения цели информационного обеспечения органов государственной власти, состоящей в том, чтобы на базе собранных исходных данных получить обработанную информацию. Эта информация должна служить основой для принятия грамотных политико-административных решений.

Ключевые слова: информационные ресурсы, информационное обеспечение, технологии, политико-административные решения, эффективное управление.

A.V. Shemelin
Transbaikal state University,
doctor of political Sciences (PhD),
candidate of legal Sciences,
head of the Department of socio-legal disciplines,
E-mail: shemelin75@yamdex.ru

Information and communication in technologies in a policy

Annotation: Article is devoted to process of influence of information and communication technologies in a policy. Discusses how to achieve the purpose of information support of state authorities, consisting in the fact that on the basis of the collected source data to obtain processed information. This information should serve as a basis for making competent political and administrative decisions.

Key words: information resources, information support, technology, political-administrative decisions, effective management.

Коммуникативная подсистема политической системы осуществляет «двойственную» функцию: «внутреннюю» – связь между элементами и «внешнюю» – взаимодействие политической системы с другими социальными подсистемами. По-сути, политическая система может рассматриваться как погруженная в информационное пространство [4, с. 183].

Государство – ядро политической системы. Эффективность государственного управления – это во многом эффективность принятия и реализации управленческих (прежде всего политических) решений, основанных на результативности использования современных информационных и коммуникационных технологий. Государство является носителем, обладателем, распорядителем власти. Получение, анализ, выдача и эффективное использование информации являются важнейшим условием функционирования власти. По разным оценкам специалистов, руководители расходуют от 30 до 80-95% своего времени на работу с информацией, что

вполне закономерно, так как наличие своевременной и достоверной информации и ее своевременная передача являются важнейшими предпосылками обеспечения эффективного управления.

Управленческая функция информации проявляется наиболее заметно в государстве. Здесь информация выступает в нескольких формах: как источник власти, как фактор регулирования политических систем и процессов, как момент политического управления и как продукт управленческого процесса.

Как научную категорию, информацию в управленческих процессах можно характеризовать рядом признаков (свойств), к числу которых относятся: известная самостоятельность; возможность многократного использования; сохранение у передающего или получающего субъекта; пригодность к обработке, интеграции и «сжатию» объема за счет исключения дублирующей, параллельной информации; допустимость компьютерной обработки; системность, коммуникативность.

Информация, циркулирующая в политико-административной системе, органах государственной власти, разнородна и разнообразна. Она имеет свою природу и особые формы. В научной литературе появился новый термин «государственная информация». Подобная формулировка может относиться к описанию внешнеполитической, экономической, социально-политической и экологической обстановки, динамике тех или иных процессов, реализуемых в государстве и обществе [1, с. 3-6].

Информация всех видов имеет самостоятельную ценность, служит в качестве основы для нормативных документов как на федеральном, так и региональном уровне. Она имеет свои специфические закономерности функционирования и развития, способна к опережающему воздействию на государственную политику, выступает непосредственной причиной, определяющей выбор того или иного варианта политического развития, поведения различных социальных групп и отдельных граждан, перевода государственной системы в новое состояние.

Информацию в органах государственной власти можно классифицировать по разным основаниям и признакам. К примеру, ее можно разделить на официальную и неофициальную, общезначимую и региональную, горизонтальную и вертикальную, по содержанию и целевому назначению, возможным социальным последствиям, степени доступности, а также на основе ее соотнесения со временем (информация о прошлом, в режиме реального времени, прогнозы о будущем).

В рамках политико-административной системы она рассматривается с точки зрения актуальности, достаточности и адекватности для принятия соответствующих решений.

При разделении информации по объектам распределения внутри государственного органа приоритет имеет информация для руководителя или руководящего звена (или исходящая от них), далее – для должностных лиц. При этом сведения, заслуживающие особого внимания, целесообразно получать или направлять различным источникам независимо друг от друга, чтобы обеспечить большую объективность анализа, оценки, прогноза.

Цель информационного обеспечения органов государственной власти состоит в том, чтобы на базе собранных исходных данных получить обработанную информацию, которая должна служить основой для принятия политико-административных решений. Достижение этой цели складывается из решения ряда частных задач: сбора первичной информации, ее хранения, распределения между структурными подразделениями государственного органа и их работниками, подготовки к переработке, собственно переработки, предоставления органу управления в переработанном виде, анализа, обеспечения прямых и обратных связей в ее циркуляции и т.д. При современных потоках информации эффективное решение этих задач вряд ли возможно без использования средств вычислительной техники и новых информационных технологий.

С применением компьютерных технологий связана оптимизация информационного обеспечения органов государственной власти.

Эффективность решений, принимаемых органами государственной власти, зависит от качества информации, средств и методов ее обработки. В данном случае «больше» информации далеко не всегда означает «лучше»: избыточная информация также может осложнить принятие решения, как и ее недостаток. Поэтому одной из важнейших проблем информационного обеспечения государственных органов является определение достаточности информационного обеспечения.

Информационное обеспечение органов государственной власти основывается на определенных принципах. Важнейшим из них является следующий: объем и каналы информации, поступающей к органу государственной власти, должны определяться функциями, возложенными на этот орган. Не менее существенно также разграничение компетенции между различными структурами государственной власти и организация их взаимодействия.

Специфика текущего периода развития российского общества, коренное преобразование государственного управления, изменение сферы государственного регулирования влечет за собой модификацию как потоков, так и объемов поступающей информации, что согласуется с компетенционным принципом информационного обеспечения в государственном управлении. Характер и объем информации, получаемой органами государственной власти, должны соответствовать тем функциям, которые возложены на этот орган. Обеспечение указанного соответствия – обязательное условие эффективности государственного управления.

Особенность текущего момента, для которого характерна нестабильность как системы органов власти, так и их функций, существенно снижает эффективность работ по информационному обеспечению органов исполнительной власти, что в свою очередь отрицательно сказывается на процессе принятия политико-административных решений. Тем не менее, учитывая тенденции в преобразовании системы органов исполнительной власти, их структуры и функции, можно определить общую схему

информационного обеспечения органов государственной власти и направленность его развития – как в целом, так и в зависимости от уровня органа государственной власти.

К процессам, характерным в настоящее время для сферы государственного управления и оказывающим влияние на организацию информационного обеспечения, можно отнести следующие:

- централизация и децентрализация управления – встречный процесс перераспределения полномочий между центральными и региональными органами государственной власти в пользу нижестоящих органов;

- переход от административных к преимущественно экономическим методам управления;

- отсечение оперативных функций от федеральных исполнительных органов и сохранение за ними решения стратегических проблем (многие полномочия министерств и ведомств передаются на уровень предприятий, ассоциаций, акционерных обществ);

- ориентация новой системы управления на управление через интерес управляемых, на расширение сферы действия координационных методов, а также кардинальное изменение роли договора в государственном управлении;

- функциональная перестройка, касающаяся не только оптимизации функций, но и их содержания (планирования, прогнозирования, контроля и т.д.).

Таким образом, учитывая функциональную и структурную стороны реформирования системы органов исполнительной власти, можно определить тенденции изменения информационного обеспечения этих органов: структурная сторона перестройки системы органов исполнительной власти неизбежно влечет за собой изменение направленности потоков информации, функциональная сторона перестройки вызывает качественные изменения в поступающей информации.

Информационное обеспечение становится настолько насущным условием функционирования любого субъекта государственной власти, что

позволяет говорить об «информационном статусе» субъектов как части их общего статуса. Информационный статус закрепляется нормами права как на федеральном, так и на республиканском уровнях и включает в себя содержание, виды и системы информации, права и обязанности в информационной сфере и т.д. Однако на сегодня правовое регулирование информационного статуса органов государственной власти весьма недостаточно.

События последних лет в России убедительно показали, что отсутствие надежной системы информационного обеспечения – источник случайных, необоснованных, ошибочных решений и действий, несовместимых с целями и задачами политико-административного управления. И дело здесь не только в неполноте, недостоверности или неоперативности информации. Одна из основных причин ее плохого использования – отсутствие современной реальной системы информационного обеспечения общегосударственного масштаба.

Политико-административные решения, оказавшиеся неверными, чаще всего бывают следствием недостатка объективной информации, а не только отсутствия компетентности или неэффективного использования той имеющейся информации, которая попала в официальные информационные каналы.

Качественное обновление государства выдвигает на первый план решение глобальной задачи – формирования в России единого информационно-правового пространства, обеспечивающего информированность всех структур общества и каждого гражданина в отдельности. Создание общенациональной территориально распределенной информационно-правовой системы позволит рационально и эффективно решить проблему информационного взаимодействия органов государственной власти, что в свою очередь обеспечит повышение оперативности, степени обоснованности и корректности принимаемых решений по регулированию различных вопросов, прежде всего – в социально-

политической сфере. Более того, формирование единого информационно-правового пространства стран СНГ – это реальный шаг к практической реализации договоренностей стран – членов СНГ и созданию действенного и жизнеспособного содружества бывших республик СССР.

Информационные процессы в жизни государства не следует сводить к функционированию средств массовой информации как «четвертой власти», отождествляя их деятельность с политической коммуникацией [2].

Информация и связанные с нею процессы информационного обеспечения в настоящее время становятся основным условием функционирования политико-административной системы и принятия решений на любом уровне. Подтверждением этому является появление и глубокое проникновение во все социальные институты и, прежде всего, в органы государственной власти, новых информационных технологий (НИТ) управления. «Новые» в данном случае означает принципиально отличающиеся от используемых ранее.

Информационные технологии – это система научных и инженерных знаний, а также методов и средств, которые используются для создания, сбора, передачи, хранения и обработки информации. Новые информационные технологии позволяют использовать при работе с информацией компьютерную технику и телекоммуникационные средства связи. Внедрение НИТ существенно изменяет содержание различных видов деятельности, прежде всего управленческой, повышает эффективность управления, выводит на новый, более высокий уровень информационное обеспечение процессов принятия политико-административных решений в органах государственной власти.

Применение НИТ позволяет выявить скрытые информационные структуры, представить слабо структурированные компоненты управления в семиотической (знаковой) форме, а при формировании управленческой информации из потока данных исключить данные, не выполняющие

вышеуказанные функции, а используемые исключительно вследствие стереотипов мышления и по традиции.

В практике политико-административной деятельности довольно часто входной информационный поток не обрабатывается, и все поступающие данные считаются «значимой» информацией. Отсюда – представление о входном потоке информации преимущественно как о «лавинообразном», не поддающемся охвату и осмыслению. Более того, руководителям при выработке решений зачастую умело преподносится «удобная» – хорошо вписывающаяся в сложившуюся ситуацию, «нужная» – для лоббирования личных интересов узкого круга лиц, – неполная, «желательная» информация, в результате чего и возникают административные и политические решения, не принимаемые, не понимаемые и не поддерживаемые гражданским обществом и даже – нелегитимные. В последние годы с подобными решениями россияне сталкивались неоднократно.

Для того чтобы преградить путь потоку избыточных данных, необходимо определить информационные потребности управленческого персонала. Под информационной потребностью обычно понимают совокупность информационных показателей, определяемых функциями пользователя, кругом его интересов. Информационная потребность – динамически изменяющаяся система показателей. Однако при ее определении необходим разумный компромисс между широтой интересов пользователя и узкой специализацией его работы по выполнению возложенных на него функций. К сожалению, на практике этот компромисс не только не достигается, но не рассматривается даже вопрос о том, может ли руководитель принять эффективное решение, используя ту информацию, которую ему представляют.

Дополнительные сложности в процесс переработки управленческой информации вносят и излишние структурные подразделения аппарата управления, порождающие избыточную информацию для внутренних потребностей.

В настоящее время для информационного потока в государственных структурах характерны дублирование сведений, отсутствие распределения второстепенных и первоочередных сообщений, рассогласование в сроках и скорости поступления данных, что снижает степень их обработки. Кроме того, при обработке данных в органах государственной власти, при подготовке информации для должностного лица всегда присутствует политический компонент, и этот фактор также нужно учитывать при формировании информационного потока [3, с. 478].

Ограниченные возможности человека, недоверие управленцев к некоторым данным (связано с человеческим фактором и верой в объективность полученной информации в том числе и с помощью компьютеров), умышленное введение фальсифицированных данных в информационный поток не позволяют на практике качественно переработать нужное количество данных в срок.

Таким образом, основные функции информационной технологии управления в органах государственной власти видятся в следующем:

- 1) обеспечение лица, принимающего решение, достоверной и своевременной информацией;
- 2) осуществление качественного преобразования информации, т.е. доведение ее до вида и объема, которые способен осмыслить человек;
- 3) создание условий, при которых руководитель может принимать и реализовывать решения, основываясь одновременно и на объективной информации, и на факторах субъективного характера - личном опыте, интуиции, мотивации, ценностях.

Исполнение этих функций позволит оптимизировать информационное обеспечение процесса политико-административного управления, вырабатывать взвешенные, основанные не на сиюминутной выгоде, а на истинных ценностях, объективные политические решения, чего так не хватает современной России.

Указанное с достаточной полнотой характеризует сложность положения государственного деятеля, политика, принимающего решение, которое усугубляется также необходимостью сокращения сроков анализа ситуации. Может создаться положение, когда принятие обоснованного решения становится физически невозможным ввиду ограниченности времени. Если чиновник государственного уровня, политический деятель стремится положить в основу своего решения результаты переработки максимального количества сведений и оценку максимально возможного количества альтернатив, то ему не хватает времени на реализацию принятого решения. Если же он резервирует на это недостаточно времени, то вынужден ограничиваться переработкой неполного объема данных или рассматривать не все возможные альтернативы. В любом случае качество принимаемого решения может пострадать. Поскольку объем и сложность состава информации, перерабатываемой в процессе принятия решений, неуклонно возрастает, увеличивается и процент риска принятия недостаточно обоснованных, непроработанных, неоптимальных политических решений, имеющих серьезные последствия для государства.

Информация в современном обществе является важнейшим источником власти. Получение, анализ, выдача и эффективное использование информации - необходимое условие функционирования власти. Государство, являясь центральным институтом власти, активно использует информационные отношения: информация связывает между собой государство и гражданское общество.

Важнейшим фактором, определяющим эффективность государственной власти, является уровень ее информационного обеспечения, степень оснащенности современными техническими, технологическими и телекоммуникационными системами. Основу информационного обеспечения органа государственной власти составляют информационные ресурсы, под которыми понимаются отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах

(библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах).

Информационные ресурсы являются центральной частью информационных систем. Соответствие информационных ресурсов потребностям органов государственной власти в значительной части определяет эффективность создаваемых информационных систем.

Если назначение информационной системы состоит в предоставлении государственным органам или руководителям информации, обеспечивающей принятие обоснованных и эффективных решений, то информационные ресурсы предоставляют данные, которые обрабатываются технологическими процедурами, персоналом и преобразуются в информацию для подготовки и принятия управленческих решений.

Информационные ресурсы государства – это его национальное достояние. Количество, качество и доступность информационных ресурсов уже сейчас во многом определяют уровень развития государства, его статус в мировом сообществе, влияют на положение и политику государства и, бесспорно, станут определяющим фактором политического развития в XXI веке. В связи с этим важнейшее значение приобретает разработка и развитие информационных систем, обеспечивающих информационными ресурсами высшие органы власти [5, с. 93].

Среди множества вариантов телекоммуникационных технологий бесспорным лидером за последние годы стал Интернет. Сегодня он является важнейшим элементом информационной инфраструктуры мирового сообщества. Темпы распространения Интернет носят взрывной характер, на российском рынке общедоступных телекоммуникационных сетей он вытесняет всех конкурентов.

Вместе с тем, Интернет ввел в лексикон специалистов новый термин – «компьютерная безопасность». Вопрос защиты данных в глобальных компьютерных сетях требует особой и тщательной проработки, особенно – если это касается внедрения Интернет в органы государственной власти. Этот

вопрос также несет политический компонент, поскольку непосредственно связан с национальной безопасностью России: ведь информация является ценнейшим ресурсом государства.

В то же время международная компьютерная сеть Интернет сегодня представляет собой самую демократичную и быстрорастущую систему доступа к электорату. Открытости способствует и появление официальных сайтов органов власти различного уровня.

С точки зрения западных и некоторых отечественных экспертов, Интернет вполне реально станет в ближайшие пять лет основным средством обеспечения открытости власти для широкой публики, что, безусловно, следует учитывать в реальной практической деятельности. К примеру, по оценкам экспертов на следующих выборах американский, канадский и европейский избиратель сможет изъясить волю, не отрываясь от клавиатуры своего персонального компьютера, с помощью «электронных кабинок» для голосования. И темпы компьютеризации подсчета голосов, и скорость развития коммуникаций дают весьма серьезные основания для такого прогноза.

Новые технические средства и приемы в политическом процессе могут быть использованы для проведения опросов общественного мнения с «моментальным» подведением их результатов, в проведении оперативных политических дискуссий, для организации референдумов и т.д. От постановки задачи до получения результата проходит несколько часов. Естественно, такие схемы работы требуют наличия соответствующих компьютерных сетей, специалистов, весьма существенных финансовых затрат (правда, они вполне соизмеримы с прошлыми затратами на командировки, тиражирование, перевозку социологических бюллетеней, ручную обработку анкет и т.д.) Новые компьютерные технологии получили настолько большую популярность, что в современной западной политологии их характеризуют как средства всеобщей демократизации общества.

В российских условиях уже несколько лет в кремлевской резиденции президента России действует компьютерный ситуационный аналитический центр, главная задача которого – оперативное и опережающее информационное обеспечение главы государства о положении в стране и в мире. Президент и службы его помощников получают возможность использовать центр для анализа наиболее важных проблем и принятия оперативных решений. Новая структура представляет собой уникальную локальную сеть с подключением к ней внешних источников информации, позволяет моделировать ситуации и вырабатывать управленческие решения главы государства.

Эти возможности открывают дорогу плюрализму, широким возможностям для замены представительной демократии демократией участия, не нанося ущерба ни одному демократическому институту. Для обозначения данного феномена существует даже специальное понятие «теледемократия». Однако было бы опрометчиво однозначно оценивать значение и роль новейших средств телекоммуникации.

Итак, информация и коммуникация в управлении государством, политические технологии – это не только актуальная теоретическая проблема. Технологии не всемогущи, но именно грамотное, квалифицированное их использование позволяет изменять мир, воздействовать на политический процесс, бороться субъектам политики за реализацию своих интересов и добиваться поставленных целей.

Список литературы

1. Анохин, М.Г., Комаровский, В.С. Информационные технологии в политике // Политика: возможность современных технологий. М., 2002. С. 3-6.
2. Глушков, В.М. Гносеологическая природа информационного моделирования. // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 5-24.
3. Исполнительная власть в Российской Федерации. М.: БЕК, 2006. 269 с.

4. Тихомиров, Ю.А. Информационный статус субъектов права // Труды Института законодательства и сравнительного правоведения. М., 2002. № 52. Законодательные проблемы информатизации общества. С. 181-185.
5. Шабров, О.Ф., Анохин, М.Г., Дзлиев, М.И. и др. Компьютерное моделирование социально-политических процессов. М.: ИНТЕРПРАКС, 1994. 112 с.

II. СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3

Ю.В. Иванова
Забайкальский государственный университет,
профессор кафедры теории и истории культуры и дизайна
доктор философских наук
E-mail: ivanova@gmail.com

Разнообразие научных подходов к изучению традиции

Аннотация: В статье рассматривается история формирования категории «традиция» и современные представления о ее роли в общественных науках: дан обзор концепций Дж. Вико, И.Г. Гердера, В. Дильтея, Г. Гадамера, М. Вебера, П.А. Сорокин, затронута оппозиция «традиция – модернизация», приведены основные позиции российских авторов по этой проблематике (В.Д. Плахов, Власова В.Б., Маркарян Э.С., О.А. Осипова, Ерасов Б.С. А.Я. Флиер и др.). Категория «традиция» проанализирована в структурно-функциональном аспекте, во взаимосвязи со смежными категориями социальной философии. Традиция понимается как важнейший стабилизирующий фактор социокультурного развития общества, как особый внебиологический способ кодирования социально-значимой информации, необходимой для воспроизводства и целенаправленного изменения многообразных подсистем общественной жизни.

Ключевые слова: социальная философия, общество, традиция, модернизация, социализация.

Y.V. Ivanova
Transbaikal state University,
Professor of the Department of theory and history of culture and design
doctor of philosophical Sciences (PhD)
E-mail: ivanova@gmail.com

The diversity of scientific approaches to the study of traditions

Annotation: The article discusses the history of the category of "tradition" and the current understanding of its role in the social sciences. There are a review of concepts J. Vico, I.G. Herder, W. Dilthey, G. Gadamer,

M. Weber, P.A. Sorokin, the opposition "tradition - modernization", the basic positions of Russian authors on this subject (V.D. Plakhov, V.B. Vlasova, E.S. Markarian, O.A. Osipova, B.S. Epasov, A.J. Flier et al.). Category "tradition" is analyzed in the structural and functional aspects, in conjunction with the adjacent categories of social philosophy. The tradition is understood as an important stabilizing factor in the socio-cultural development, as a special way of encoding socially important non-biological information, which is necessary for reproduction and purposeful change of the public life's subsystems.

Keywords: social philosophy, society, tradition, modernization, socialization.

Традиция – важнейший стабилизирующий фактор социокультурного развития общества. Интерес к проблеме традиций, преемственности в культуре восходит к древности и средневековью, но их последовательно-теоретическое изучение начинается в XVIII веке, с трудов Дж. Вико и И.Г. Гердера. Джамбаттиста Вико (1668-1744) выдвинул идею круговорота, непрерывной эволюции, повторяемости исторических событий, реконструировал в своем творчестве гуманистические традиции античности. Основа историзма Вико – в переосмыслении традиций, в понимании прошлого через призму исторического развития человека. Утверждая, что общество проходит одни и те же этапы, что народы живут и развиваются по общим для них внутренним законам, Вико во многом определил интенции развития зарубежной философии.

В эпоху Просвещения (XVIII в.) проблема традиций решалась в русле теорий исторического и культурного прогресса (Вольтер, Руссо, Тюрго, Кондорсе), которые отвергали теологическую модель истории и обращались к изучению реального исторического процесса. Однако жесткое противопоставление традиций и прогресса (широко культивируемое впоследствии) создавало противоречия в истолковании истории.

Представитель немецкого Просвещения И.Г. Гердер (1744-1803) называет традицией то, что предоставляется человеку обществом в процессе приобщения к тем богатствам, которые уже накоплены. «Человек воспитывается только путем подражания и упражнения: прообраз переходит

в отображение, лучше всего назвать этот переход преданием, или традицией. Но нужно, чтобы у человека, подражающего своему прообразу, были силы, чтобы он воспринимал все, что сообщают, что передают ему, что возможно сообщить и передать, чтобы он усваивал и преобразовывал в свое существо все это сообщенное» [1, с. 230].

Гердер подробно анализирует формирование двойственной биосоциальной природы человека: «... Воспитание человеческого рода – это процесс и генетический, и органический; процесс генетический – благодаря передаче, традиции, процесс органический – благодаря усвоению и применению переданного. ... Если человек живет среди людей, то он уже не может отрешиться от культуры, – культура придает ему форму или, напротив, уродует его, традиция захватывает его и формирует его голову и формирует члены его тела. Какова культура, насколько податлив материал, от этого зависит, каким станет человек, какой облик примет он» [1, с. 230-231].

Таким образом, И.Г. Гердер видит главную роль традиций в том, что они помогают человеку «родиться» во второй раз, превратиться из биологического существа в общественное. Разрабатывая многие вопросы, намеченные французскими просветителями, Гердер более глубоко проникает в противоречивую сущность социального прогресса, последовательнее применяет принцип историзма в исследовании процесса развития человеческой культуры.

Проблема традиций в XIX веке поднимается в различных науках (социологии, этнографии) и направлениях философии (герменевтике, философии жизни, марксистской философии), причем акцентируются разные аспекты проблематики.

Своеобразный подход к «теории» традиции содержится в работах представителей «философии жизни» конца XIX – начала XX века. Например, Вильгельм Дильтей (1833-1911) понимает историю как осознание обществом своей жизни, как память о своем жизненном пути. Возвращение этой памяти создает в общественном сознании чувство единства. Традиция воплощает

культурный опыт прошлого и объективируется в духовном творчестве. Интерпретацией духовных феноменов культуры занимается герменевтика.

Герменевтическую линию исследования традиции продолжил Ханс Георг Гадамер (1900-2002), для которого традиция предстает одним из центральных понятий культуры, позволяющим обосновать исходные универсальные характеристики человеческого бытия. Интерпретацию традиции Гадамер связывает с открытием и созданием смысла заново. В этом состоит актуализация традиции, ее свершение, но интерпретация задается горизонтом исторического видения, погруженность субъекта в универсум традиции открывает позитивный смысл человеческой субъективности, заключенный в творческой сущности человеческой деятельности и культуры [5, с. 124-144].

Проблемы традиций касается и Макс Вебер (1864-1920) в процессе разработки теории социального действия. Вебер выделяет 4 типа действия: целерациональное, ценностно-рациональное, аффективное, или эмоциональное, и, наконец, традиционное. Целерациональное поведение определяется тем, что субъект ставит перед собой ясную цель и применяет соответствующие средства для ее достижения. Ценностно-рациональное поведение определяется системой ценностей субъекта, когда он, например, гибнет ради того, чтобы избежать бесчестья. Аффективное поведение обусловлено эмоциональной реакцией субъекта в определенных обстоятельствах. И, наконец, традиционное поведение диктуется привычками, обычаями, верованиями, ставшими второй натурой. Классификация типов социального поведения связана с теорией идеальных типов и в определенной степени оказала воздействие на толкование М. Вебером современной эпохи как рациональной.

Надо сказать, что одним из преломлений теории традиции стала теория модернизации, истоки которой восходят к трудам М. Вебера, Э. Дюркгейма, О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, Ф. Тённиса. Линия преемственности была продолжена в трудах сторонников эволюционного функционализма. При

этом основополагающими категориями концепции модернизации стали понятия «традиция», «традиционное общество» и «современность», «современное общество». Процесс вытеснения традиции современностью ряд исследователей назвали модернизацией, которая включает в себя процессы индустриализации, бюрократизации, секуляризации, урбанизации и пр.. Модернизация подразумевает подъем и преобразование общества и, в конечном счете, повышение его адаптации к окружающей среде. Тем не менее, модернизация не лишена противоречий и негативных последствий.

Постепенно, с развитием науки, рамки понятия «традиционное общество» расширяются, и такое общество отождествляется теперь с любой непромышленной и неурбанизированной социальной структурой, в которой господствующими являются не городские, а сельские, общинные, кастовые, племенные и др. социокультурные связи и ценности. Такая понятийная переориентация сопровождалась возрастанием интереса к данной проблеме со стороны социологов, политологов, экономистов и психологов. Изучение характеристик традиционного и современного обществ в 50-е гг. XX века выдвигается в число наиболее актуальных тем философско-социологических исследований, посвященных теории модернизации (К. Гирц, М. Зингер, М. Леви, Д. Левин, Ф. Риггс, Г. Элмонд, Д. Эптер и др.). Благодаря этим работам происходит пересмотр теории модернизации.

При этом возникает более осторожное отношение к основным положениям теории модернизации, становится все более ясной условность термина «традиционное общество». Противопоставление традиционализма индустриализму становится более относительным. Социологи осознали, что уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов нередко вносит дезорганизацию и хаос в социальную жизнь. В настоящее время считаются неприемлемыми былые утверждения о том, что якобы традиции всегда препятствуют модернизации, что традиция и современность абсолютно противоположны.

Сложившаяся ситуация заставила ученых задуматься о сущности традиции как общественного явления и ее роли в жизни каждой социальной структуры (Б. Хозелитц, Э. Шилз, Ш. Эйзенштадт, Г. Элмонд и др.) [13; 14; 15; 16]. Много внимания изучению традиций уделили и российские ученые (Э.С. Маркарян, В.Д. Плахов, В.Б. Власова). Значительная часть отечественной литературы о традициях специально посвящена описанию и конкретно-социологическому анализу реальных традиционных установлений, изучению истории возникновения, развития и упадка традиций. Много внимания уделялось этимологии понятия «традиция», выявлению различных его толкований, а также историографии вопроса.

Каждый из исследователей предлагает свое оригинальное видение сущности традиций. Например, В.Д. Плахов трактует ее как исторически устойчивое общественное отношение, более глубокий анализ которого допускает интерпретацию традиции в качестве особого общесоциологического закона [8, с. 10-11]. Власова В.Б. предлагает считать традицию разновидностью социальной связи индивидов и групп в обществе, специфическое содержание которой состоит в воспроизведении из поколения в поколение определенных содержательных формализмов, фиксирующих накопленный социальный опыт и выступающих регулятивными принципами освоения новых условий и задач деятельности [2, с. 16]. Маркарян Э.С. мыслит традицию в плане выраженного в социально организованных стереотипах группового опыта, который путем пространственно-временной передачи аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах [6, с. 154]. Данное разнообразие точек зрения относительно сущности традиции указывает на сложность, многогранность традиции как социального феномена, а также демонстрирует множество «белых пятен» в методологии.

В конце XX века правомерным признается рассмотрение традиций как в статике, так и в динамике, что особенно важно для решения таких вопросов, как соотношение традиций и инноваций, традиций и современности.

Формируется понимание традиции как категории, призванной охватить максимум способов фиксации, передачи и воспроизводства культуры. В этой связи понятие «традиция» рассматривается как социально-философская, общесоциологическая категория.

О.А. Осипова показывает, что в развитии отечественных и западных исследований традиции в целом наблюдаются сходные тенденции, а именно:

- отход от сугубо статического рассмотрения традиции, от преувеличения степени устойчивости традиции и абсолютизации противопоставления традиции и инновации;

- обращение, помимо статического анализа, к динамическому рассмотрению традиции, особенно в вопросе о соотношении традиций и инноваций, что позволяет преодолеть некоторые прежние метафизические воззрения;

- расширение объема понятия «традиция», утверждение понимания традиции как универсального образования, бытующего во всех сферах общественной жизнедеятельности;

- преодоление жесткого противопоставления традиционного и рационального способов регуляции, что позволяет по-новому взглянуть на вопрос о месте традиций в современной общественной жизни;

- более четкое разграничение понятий «культура» – «традиция» – «обычай» [7, с. 58-59].

Ерасов Б.С. указывает, что, несмотря на значительную распространенность слова «традиция» в обществоведческой литературе на Западе и Востоке, этот термин зачастую заменяет иные понятия: понятие «культура» (обычно при необходимости отличить собственную культуру африканского или азиатского общества от привнесенной, чужой культуры), либо понятие «некая часть культурного достояния». Имеется и ряд иных смыслов у данного семантически богатого термина. Подобная перегруженность понятия «традиция» делает его неопределенным, что в свою очередь влечет за собой замену данного термина более адекватными (хотя и

тоже не безупречными в аналитическом плане) понятиями: самобытность, специфика, культурное наследие, культурное ядро, культурная динамика, эндогенность и т.п.

Все эти обстоятельства влекут за собой необходимость переосмысления понятия «традиция», учета достижений отечественной и зарубежной науки.

Что касается подходов к изучению традиций, то здесь можно выделить ряд аспектов, а именно: содержательный, структурный и функциональный.

В содержательном аспекте традиции рассматриваются в современной литературе как реально существующий атрибут общества, однонаправленно сориентированный во времени. Традиция представляет собой продукт совместной деятельности людей, форму коллективной адаптации социума к окружающей среде. Носителем традиции выступают индивиды. Традиция локализована в отношении определенной социальной группы, коллектива, корпоративного сообщества, области с относительно общей культурой. Традиция проявляет себя как продукт истории, имеет процессуальный, непрерывный, инерционный характер. В то же время она потенциально динамична, обнаруживает способность к существенной перестройке. Традиция наследуется избирательно. Она основана на силе общественного мнения, на авторитете древности, а не на юридических установлениях.

Традиция возникает в человеческой жизнедеятельности как особый внебиологический способ кодирования социально-значимой информации, необходимой для воспроизводства и целенаправленного изменения многообразных подсистем общественной жизни. Посредством социокода фиксируются программы социального поведения, общения и деятельности [10, с. 20].

Культура вырабатывает собственные коды, проявляющие себя как способы ее самоорганизации. Анализируя основной культурный код, М.С. Киселева выделяет следующие его характеристики: 1) универсальность (значимость в любом культурном типе и любом историческом времени); 2) самодостаточность для формирования и сохранения человеческой культуры;

3) открытость к изменениям, самопорождению новых культурных кодов, а также вторичных – по их связи со структурами социальных кодов. Существование основного культурного кода определяется тремя генетически и онтологически взаимосвязанными параметрами, по которым самоорганизуется культура в природе: предметностью, знаковостью и идеальностью [4, с. 69].

Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев, Л.А. Степнова [3; 11] связывают традиции с понятием социокультурного мифа, понимаемого как уровень социального мифотворчества, отражающий глубинные пласты жизнедеятельности социокультурной системы. Всякий социокультурный миф в своей символике содержит элементы той среды, в лоне которой первоначально возник, формировался и развивался этнос со своими этническими, языковыми и т.п. особенностями. Степнова Л.А. отмечает, что социокультурный миф изначально несет в себе определенные эмоции, настроения, чаяния, надежды; он проникнут вполне определенным мирозерцанием, а на более поздних стадиях развития социума и определенными мировоззренческими установками [11, с. 116]. Символы социокультурного мифа содействуют сплочению этноса, вызывая у людей сходные установки, образы, настроения, присущие всем группам общества.

Социокультурный миф транслируется из поколения в поколение, изменяясь, адаптируясь к новым условиям существования общества. На базе социокультурного мифа как явления первого порядка формируются мифы 2-го порядка – национальные, политические, социальные и т.п., поддерживающие существование соответствующих традиций. Таким образом, традиции вписываются в общую канву социокультурного мифа.

В свое время П.А. Сорокин отмечал, что социальная группа может иметь различную степень организованности, быть организованной или неорганизованной (социальной системой или скоплением) – в зависимости от согласованности или несогласованности главных смыслов-ценностей-норм, в силу которых и ради которых взаимодействуют индивиды. Каждая

организованная или неорганизованная реальная социальная группа основывается на некотором наборе культурных ценностей, составляющих ее «сердце и душу», связывающих ее в единство и являющихся самой причиной ее существования. «Главные смыслы-ценности и законы-нормы организованной группы детально определяют права и обязанности каждого ее члена: что, по отношению к кому, когда, в какой мере и при каких условиях каждый член имеет право и обязан сделать или не сделать, допустить или не допустить; каковы в точности функции и роли, которые он должен выполнить / играть, и каков статус каждого члена в системе взаимодействия, определяемый совокупностью его прав и обязанностей, функций и ролей. Законы-нормы порождают официальный закон и управление группой» [9, с. 40].

В том же ключе, как «разделяемые в более или менее массовом порядке императивные, разрушительные или запретительные установки на те или иные способы осуществления различной деятельности или взаимодействия между людьми» понимает социальные нормы и А.Я. Флиер. В число норм он включает весьма широкий комплекс социально-регулятивных установок, которые проистекают из исторического опыта коллективных форм жизнедеятельности людей, накапливаемого всяким сообществом и передаваемого из поколения в поколение. По мере смены социальных условий жизнедеятельности одни нормы теряют актуальность и отмирают, становятся фактом истории, иные модернизируются, одновременно с первыми формируются и внедряются в общественную практику и совершенно другие нормы, порождаемые изменившимися условиями бытия. Флиер А.Я. справедливо полагает, что данная система социальных норм является квинтэссенцией культуры как таковой, порождаемой в процессе накопления и аккумуляции социального опыта, способствует селекции этого опыта и культивированию наиболее оправдавших себя образцов воспроизводства социально эффективной деятельности.

Наиболее важные образцы закрепляются в памяти и практике людей как социально приемлемые, символизируются в наглядных формах, внедряются в актуальную социальную практику и, что особенно важно, в систему коммуницирования, межпоколенной трансляции, модернизации, изменчивости и т.п. Нормативно-регулятивные процессы такого рода определяют основные формы деятельности и взаимосвязи людей практически в любой сфере их социальной активности. «Собственно это и есть системообразующее ядро всякой конкретно-исторической культуры» [12, с. 126]. Понятно, что в данном случае речь идет именно о традициях.

Структурный аспект изучения традиций характеризует их организацию и компоненты, а также определяемые последними варианты классификации традиций. С этой точки зрения традиция представляет собой сложную систему, включающую различные компоненты и имеющую определенную структуру. Сюда включаются открытая (устойчивые формы поведения) и скрытая эмоциональная и рациональная стороны (различные повторяющиеся, устойчивые способы мышления и чувствования, верования, символы, стандарты, нормы, правила поведения, знания, ценности, модусы оценки и т.д.) традиции.

За классификационное основание традиций может быть принят любой варьирующийся параметр традиции: социальная направленность (прогрессивные, реакционные или позитивные, негативные и нейтральные); степень развития (нарождающиеся, устоявшиеся и отмирающие); способ передачи (устные, письменные, акторные и др.); сферы общественной жизнедеятельности (в зависимости от точки зрения на сферу действия традиций – политические, нравственные, эстетические, религиозные и др.; традиции материальной и духовной культуры и т.д.); способы производства и воспроизводства общественной жизни и т.д.

Функциональный подход к рассмотрению традиций реализуется посредством анализа их функций. В качестве фундаментальной функции традиций обычно называют функцию аккумуляции и передачи социального

опыта новым поколениям. Среди прочих функций традиций важны регулятивная и нормативная функции. Нормативная функция, или иначе функция ориентирования на определенные ценности, находит выражение в предписании члену общества следовать определенным правильным и предпочтительным формам поведения. В силу своего нормативного характера традиция, ограничивая произвол, способствует регуляции отношений между людьми в обществе, направлена на согласование внутренних процессов, которое требует выбора способа, наиболее приемлемого по нравственным, моральным, мировоззренческим, религиозным, этическим и иным ценностным соображениям и правилам, распространенным в данном сообществе.

Не менее важна и выполняемая традициями функция социализации индивидов, включения их в систему социальных ценностей и ориентаций через воспроизведение уроков прошлой практики, восприятие ушедших в историю и действующих традиций своего народа. Усвоение традиций индивидом в процессе социализации и инкультурации побуждает индивида к творчеству. Каждый индивид вносит свои индивидуализирующие коррективы в усвоенные системы знаний, умений и навыков, формирует свою личностную микросистему социокультурных свойств, отличающую именно данного индивида и выражающуюся в неповторимом индивидуальном стиле жизнедеятельности и характерном «почерке» его личной культуры. Поэтому традиции несут большой мировоззренческий и воспитательный потенциал, а их изучение всегда сохраняет актуальность.

Список литературы

1. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
2. Власова В.Б. Традиции в мире духовных ценностей. М., 1983. Рук. деп. ИНИОН. 16 с.

3. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации. СПб., Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 1997. 137 с.
4. Киселева М.С. Культурные коды и типы культуры // Культурология / Рук. Авт. Коллектива Добрынина В.И. М.: О-во «Знание» РФ, 1993. 160 с. С. 69.
5. Малахов В.С. Понятие традиции в философской герменевтике Гадамера Г.Г. // Познавательная традиция: философско-методологический анализ. М., 1989. С. 124-144.
6. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. 284 с.
7. Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука. ГРВЛ, 1985. 129 с.
8. Плахов В.Д. Традиции и общество. Опыт философско-социологического исследования. М.: Мысль, 1982. 220 с.
9. Сорокин П.А. Социологические теории современности. М.: ИНИОН РАН, 1992. 194 с.
10. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
11. Степнова Л.А. Социальная мифология и проблемы социального мышления. М., 1999. 160 с.
12. Флиер А.Я. Современная культурология: объект, предмет, структура. // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124-145.
13. Almond A.G. Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics. – The Politics of the Developing Areas. – Princeton, 1960.
14. Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. – Wiley, 1973. 367 p.
15. Hozelitz B.F. Tradition and Economic Growth, in Tradition, Value and socio-economic Development, Braibanti, R. and J.J. Spengler (eds). Durham, NC: Duke University Press, 1961. Pp. 83-113.
16. Shils E. Tradition. – Chicago: University of Chicago Press, 1981.

III. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 882

И.А. Романов
Забайкальский государственный университет,
кандидат филологических наук,
декан факультета филологии и
массовых коммуникаций
E-mail: igorromanof@mail.ru

Литературная цензура в России: культурологический и аксеологический аспект

Аннотация: В статье рассматривается эволюция литературной цензуры в России в царскую, советскую и постсоветскую эпохи. В основе процесса формирования цензуры оказывается потребность в сохранении системы ценностей, признаваемой подавляющим большинством, образующий сакральный центр, консолидирующий людей для общего развития, достижений или преодоления государственных проблем. Оберегать этот сакральный центр от всевозможных нападков извне и изнутри и призван институт государственной цензуры.

Ключевые слова: цензура, вольнодумство, литературный центризм, сакральный центр, культурная жизнь, охранительство.

I.A. Romanov
Trans-Baikal state University,
candidate of philological Sciences,
Dean of the faculty of Philology and
mass communications
E-mail: igorromanof@mail.ru

Literary censorship in Russia: cultural and axiologically aspect

Abstract: the article discusses the evolution of literary censorship in Russia in the tsarist, Soviet and post-Soviet era. At the core of the formation process of censorship is the need to maintain the system of values recognized by an overwhelming majority, which forms the sacred centre, consolidating the people for the overall development, achievements or overcome the state's problems. To protect this sacred center from all sorts of attacks from outside and from inside and called the Institute of public censorship.

Key words: censorship, free-thinking, literary centrism, sacred center, cultural life, conservatism.

С древнейших времен цензура являлась важнейшим элементом в структуре государственной власти. Так, еще в античности работа цензуры регламентировала многие сферы общественной жизни. Известно, что в Древнем Риме избираемые на народных собраниях старшие магистраты не только занимались вопросами контроля за местожительством и доходами населения, но и за поведением граждан, их личной жизнью, моральным и общественным обликом. При этом граждане Рима в целом с пониманием оценивали сам факт подобного контроля, полагая, что он просто необходим для обеспечения общественного блага, изживания дурных нравов и утверждения идеала [5; 6]. В подобной ситуации вполне уместно говорить о цензуре не как о механизме принуждения, а как о факторе, способствующем развитию общества и сохранению культуры [4].

Ключевым для дальнейших размышлений оказывается понятие «общественный идеал». Совершенно естественно, что он не является чем-то неизменным и напрямую зависит от ценностной системы, принятой в том или ином обществе в тот или иной период. Именно аксиология, аккумулирующая сверхличностные смыслы – религиозные, нравственные и даже политические – становится тем фундаментом, на котором живет и развивается любое государство, образуя то, что получает обобщенное и условное определение «идеология». Система ценностей, признаваемая подавляющим большинством, образует сакральный центр, консолидирующий людей для общего развития, достижений или преодоления государственных проблем. Оберегать этот сакральный центр от всевозможных нападков извне и изнутри, передавать образующие его духовные смыслы следующим поколениям, призвана «институция», определяющая способы функционирования социальной и культурной жизни [3], под которой следует понимать систему государственных учреждений, осуществляющих функции

охраны, контроля, воспитания и т.д. Это, в первую очередь, армия, аппарат полиции, система образования. Цензура является значимым элементом «институции», осуществляя контроль за тем, что принято называть общественным мнением и инструментами, на него влияющими.

Деятельность цензурных органов в любом обществе мало касается большинства законопослушных обывателей. Она превращается в проблему только для того маргинального меньшинства, которое либо не признает общепризнанные идеалы, либо высказывает сомнение в них. По большому счету, ситуация противостояния цензуры как элемента государственного аппарата и общественного мнения (или по крайней мере его части) возникает в периоды духовных катаклизмов, когда ценности, еще недавно воспринимавшиеся как сакральные, теряют с точки зрения все большего количества людей свой священный смысл. Тяжеловесный аппарат «институции» по инерции продолжает выполнять свои охранительные функции, прибегая к карательным мерам. В такие моменты вопрос о цензуре приобретает трагическую окраску.

Так, первые христиане с точки зрения большинства населения Римской империи были безусловными маргиналами. Писатель-интеллектуал II в. н.э. Лукиан сатирически изображает их как одну из экзотических сект (Лукиан «На кончину Пелегринуса»). Ценности, исповедуемые христианством, полностью противоречили официальному язычеству, которое уже подверглось в значительной степени десакрализации (свидетельством тому служат комедии Аристофана, произведения того же Лукиана или роман «Сатирикон» римского писателя I в. Гая Петрония). Тем не менее, «институция» Римской империи видела в христианах значительную опасность, именно поэтому их преследовали, обвиняли в различных преступлениях против государства (как например, при Нероне, когда именно христиан обвинили в поджоге Рима), подвергали репрессиям. Но число приверженцев новой веры множилось, что и привело к принятию христианства как официальной религии Римской империи в IV в. н.э. Учение,

бывшее на окраине, стало новым сакральным центром. Язычество, образывавшее сакральные центры ранее, оказалось теперь на окраине и испытало на себе всю мощь «институции». И тогда начался очень схожий процесс преследования инакомыслящих, которыми теперь стали уже приверженцы язычества или просто нехристиане. Как известно, при императоре Феодосии Великом вышел указ о преодолении язычества, после чего во всей империи началось массовое уничтожение языческих храмов, статуй богов. Была уничтожена и знаменитая библиотека в Александрии, так как собранные там книги не представляли для воинственных христиан-неофитов никакой ценности. Истребление культурного наследия, связанного с язычеством, можно также считать крайней формой проявления цензуры, агрессивно отстаивающей в новой исторической ситуации ценности иной идеологии.

Показательным можно считать тот факт, что утвердившееся христианство, преодолев язычество на всей территории Европы, заставляло работать цензурные механизмы только тогда, когда вопрос вставал об отступлениях от канонов Церкви. Еретические учения подвергались осуждению, за которым иногда следовали вполне конкретные силовые действия, якобы направленные на восстановление божественной гармонии, но на самом деле имеющие вполне земные корыстные мотивы (как например, крестовый поход на Прованс в XIII в.). По большому счету, говорить о цензуре (в ее современном понимании) в Средневековье не приходится, потому что цензура появляется лишь тогда, когда возникает четко обозначенная, проартикулированная позиция, противоположная позиции официальной власти (церковной или светской). Для этого необходимо информационное поле, значит достаточное количество образованных людей, книг, чтение которых способно формировать общественное мнение. В условиях Средневековья, когда рукописные книги были достоянием узкого круга интеллектуальной элиты, а уровень образования чрезвычайно низким,

культуру подавляющего большинства определяла традиция, консервативная по своей сути и передаваемая устным путем.

Ситуация изменилась в эпоху Возрождения, после изобретения И. Гутенбергом печатного станка. Возможность удешевления книг и их тиражирования создали в Европе ситуацию информационного взрыва, приведшего к трагическим последствиям – расколу Церкви, смутам, религиозным войнам. Церковь чётко реагирует на создавшуюся ситуацию, подключая такой механизм «институции», как цензура. В 1485 году в немецком городе Майнце по инициативе местного духовенства появляется первое цензурное ведомство, в 1493 году в Венеции инквизиция выпускает первый список запрещенных книг, в 1501 году предпринимается неудачная попытка введения цензуры для всего христианского мира, а в 1559 выходит одобренный папой римским перечень запрещенных книг, обязательный для всех католических стран. Следившая за соблюдением списка инквизиция просуществовала до 1774 года во Франции и до 1834 в Испании [6]. Однако, что показательно в свете аналогичных мер, принятых впоследствии, в позднейшие эпохи, общую ситуацию запреты изменить не смогли. Раскол Церкви только усугубился, а религиозная вражда между протестантами и католиками вошла в свою кровавую фазу (крестьянская война в Германии, война между католиками и гугенотами во Франции, религиозный террор в Англии при Генрихе VIII и Марии Кровавой).

Изобретение Гутенберга привело к противоположным последствиям. С одной стороны, книгопечатание способствовало распространению знания, резкому увеличению образованных людей, книга по-настоящему превратилась в инструмент формирования общественного мнения. С другой – книга потеряла свой почти сакральный статус, который она имела прежде, в то время, когда была достоянием интеллектуальной элиты. Книгопечатание привело в значительной степени к девальвации слова и размыванию смысла, что во многом и предопределило кризис гуманистического сознания. Недаром шекспировский Гамлет восклицает: «Слова, слова, слова!» Обилие

слов, потерявших значения, ставших пустыми звуками, в том числе и таких, как любовь, верность, дружба – переживается как онтологическая катастрофа. Несомненно, что «многословие» постгугтенберговской эпохи создает широкое поле для деятельности цензуры – как церковной, так и светской.

В Древней Руси подавляющее большинство рукописных книг имело религиозный характер и также было достоянием образованной знати и духовенства. Это, также как в Европе, сакрализовало книгу, придало ей священный статус. Ситуация изменяется после начала книгопечатания – в XVII и особенно XVIII веках, когда культура России открывается для Запада. (Здесь нужно, однако, отметить тот факт, что в России тогда не появилось столько типографий, сколько существовало на Западе, не было и большого количества библиотек. Это, вероятно, привело к более трепетному отношению к книге и печатному слову вообще, чем в Европе.) Появляется светская литература, журналистика, обладающие, хотя и несопоставимой с европейской, но все же возможностью формирования общественного мнения. Именно тогда, в конце XVIII века, в России и возникает цензура, хотя ее деятельность еще не регулировалась государственными законами. В этот же период формируется и та культурная модель, которая просуществовала до 1991 года и получила название «литературного центризма». Отсутствие реального политического диалога между властью и теми представителями общества, взгляды которых в той или иной степени противоречили официальной идеологии, запрет на оппозиционную деятельность, диктат клерикальных кругов не дает в России развиваться журналистике, которая в Европе играет роль выразителя самого широкого спектра общественного сознания. Ситуация с известным в последние десятилетия XVIII века журналистом и издателем Н. Новиковым, заключенным на четыре с половиной года по распоряжению императрицы Екатерины II в Шлиссельбургскую крепость очень показательна. Никаких законов он не нарушал, однако его влияние на общественное мнение, очевидно, представляло опасность для некоторых представителей власти. В XIX веке

ситуация улучшилась ненамного. Наибольшую известность получил скандал, последовавший после публикации «Первого философического письма» П. Чаадаева. Высказанные в нем полемические идеи об особенностях российской истории, православии и предназначении русского народа абсолютно не соответствовали официальной идеологической парадигме «православие – самодержавие – народность». В результате автор был объявлен сумасшедшим и потерял возможность издавать свои труды. Журнал «Телескоп», в котором опубликовался П. Чаадаев, был запрещен. Вообще, проблемы с цензурой (в той или иной степени и в разные годы) имели практически все крупные журналы, издававшиеся в XIX веке, причем вне зависимости от их идеологических позиций: «Московский телеграф», «Отечественные записки», «Современник», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Русское слово» и др.

В России, вследствие относительно слабо развитой журналистики, испытывавшей наибольшее цензурное давление, функции духовного влияния на общественное сознание взяла на себя именно художественная литература, обречённая на отражение нравственных, религиозных, политических и других проблем. Ее воздействие в XIX веке, конечно, было несколько ограниченным, потому что касалось только образованных слоёв населения (в основном дворянства и несколько позднее интеллигентов-разночинцев), однако именно они были призваны сохранять и развивать культуру. Собственно, в этих кругах культурной элиты и появляется поклонение литературе как высшей ценности, то есть то, без чего невозможно представить «литературный центризм». И власти начали понимать значимость печатного художественного слова, пытаясь контролировать его с помощью цензуры.

Первый устав, касающийся цензуры, появляется в 1804 году в правление императора Александра I. Он отражал стремления молодого и либерально настроенного монарха к переменам и в целом сыграл позитивную роль. «Основные положения этого документа сводились к следующему: цензура обязана рассматривать все книги и сочинения, предназначенные к

распространению в обществе; назначение цензуры – «доставить обществу книги и сочинения, способствующие истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению»; в связи с этим запрещалось печатать, распространять и продавать что-либо без рассмотрения цензуры; печатная продукция не должна содержать в себе ничего «против закона Божия, правления, нравственности и личной чести какого-нибудь гражданина»; цензоры при запрете сочинений и книг обязаны «руководствоваться благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений и мест в оных, которые, по каким-либо мнимым причинам, кажутся подлежащими запрещению, когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковывать оное выгоднейшим образом, нежели его преследовать» [2].

Устав 1826 года был принят после антимонархического восстания декабристов и нес на себе печать реакционности. Недаром он был прозван «чугунным». В уставе 1828 года цензурные требования номинально ослабевали, хотя реальная практика работы цензурного ведомства при императоре Николае I, как правило, была далека от всяких послаблений.

Сталкивались с цензурой многие русские писатели XIX века – А. Пушкин (в роли личного цензора которого выступал даже сам император Николай I), М. Лермонтов, Н. Гоголь, Н. Некрасов, Л. Толстой, И. Киреевский, С. Аксаков. То есть авторы, имеющие различные мировоззренческие и художественные позиции. При этом интересен тот факт, что цензорами работали видные ученые и университетские профессора, а также крупные русские литераторы – И. Гончаров, А. Майков, Ф. Тютчев, которых трудно обвинять в бездумном потворстве власти. Скорее, деятельность цензора воспринималась ими как служение Отечеству, то есть в античном смысле. Уже сам этот факт говорит о неоднозначности оценки цензуры того времени.

В дореволюционной России, при императоре-реформаторе Александре II, некоторое время существовала модель так называемой последующей (или карательной) цензуры, которая предполагала возможность публикации под ответственность издателя, редактора и сочинителя. При возникновении претензий к изданию после его выхода в свет его издатель рисковал арестом тиража или денежным штрафом. По закону о «Временных правилах о цензуре и печати 6 апреля 1865 года» от предварительной цензуры освобождались в Петербурге и Москве все периодические издания, сочинения объемом не менее 10-ти печатных листов, переводы, объемом не менее 20-ти печатных листов, а повсеместно все правительственные издания, книги академий, университетов и ученых обществ, издания на древних классических языках [см.: 2]. Подобная форма является более прогрессивной, так как предполагает признание свободы предпринимательской, а значит и издательской деятельности, по сравнению с цензурой предварительной, при которой контроль над художественным текстом осуществляется еще на стадии его подготовки к печати. Подобный тип цензуры был распространен в период правления Николая I. Император вообще претендовал на роль главного цензора России и внимательно следил за выходящими в свет изданиями. Данный факт со всей очевидностью демонстрирует уже сформировавшийся «литературный центрзм»: вряд ли в какой-либо европейской стране того времен первое лицо государства было столь озабочено вопросами словесности. Однако цензура и реакция не смогли помешать расцвету русской литературы в 30 – 50 годы XIX века, которая дала выдающиеся произведения, признанные классическими уже современниками. Хотя на судьбе некоторых писателей драматически сказалось личное неприязненное отношение императора Николая I, не терпящего никакого вольнодумства (А. Полежаев и М. Лермонтов были наказаны за свои произведения ссылкой на кавказскую войну, и их жизни трагически оборвались; Ф. Достоевский был приговорен к расстрелу за принадлежность к кружку петрашевцев), все-таки репрессии в отношении литераторов даже в период николаевской реакции

выглядят не очень убедительно на фоне того, что происходило в России после политического переворота 1917 года.

Цензура как элемент государственного аппарата была призвана охранять тот сакральный центр, который в России до 1917 года образовывали понятия православие и самодержавие. Идеология предполагала признание сакрального статуса монарха, а значит и непогрешимость его деяний, и приоритет православия как духовного фундамента государства (духовная цензура существовала в России с 1720 года). Цензура не допускала к читателю те произведения, которые были способны спровоцировать смуту в умах людей. Причем, запрет не всегда имел политические причины. Иногда он касался произведений, в которых высказывалась радикальные взгляды на общественную мораль и нравы людей (как случилось, например, с «Крейцеровой сонатой» Л. Толстого, кстати, отлученного от церкви). Однако, несмотря на деятельность цензуры и полицейского аппарата, на попытки «обновить» сакральный центр введением Закона Божьего в качестве обязательного предмета в учебных заведениях, спасти идеологию и саму империю не удалось. Не помогла и либерализация общественной жизни, и свобода печати, объявленные императором Николаем II в Манифесте 17 октября 1905 года: в условия первой русской революции 1905 – 1907 годов ужесточение цензуры оказалось неизбежным, и многие издания, едва глотнув свободного воздуха, были закрыты.

После революции 1917 года ценности ниспровергнутого сакрального центра были силой оттеснены на окраину, за их признание люди подвергались жесточайшим репрессиям (гонения на православных священников в годы гражданской войны и сталинского террора, массовые расстрелы монархистов и т.д.) со стороны «институции» советского государства. Новый сакральный (или квазисакральный) центр был создан уже ценностями коммунистической идеологии. Интересно, однако, то, что и в аксиологии тоталитарного государства литература занимала значимое место: власть в ней видела либо инструмент, формирующий культуру и новый

общественный идеал, либо опасного конкурента, способного плодить инакомыслие. Таким образом, «литературный центризм» в России продолжался.

Цензура в СССР как часть аппарата тоталитарного государства служила идеям коммунизма и боролась с тем, что так или иначе им не соответствовала. Лицемерно заявив об отмене цензуры как части карательного аппарата царского режима, советская власть с первых дней своего существования стремилась к тотальному контролю за всей выходящей печатной продукцией, в том числе и за художественной литературой. Главным цензурным органом в СССР стал Главлит, просуществовавший с 1922 по 1990 годы и осуществлявший свою деятельность под патронажем спецслужб. Разумеется, использовалось предварительное цензурирование, не оставляющее никакой надежды на то, что без одобрения представителей власти произведение может быть напечатано.

Конечно, отношения писателей с цензурой не были одинаковыми на протяжении всего периода Советской власти. Можно выделить несколько этапов эволюции советской цензуры. Первый – с 1917 по 1922 годы совпадает по времени с гражданской войной. Национализированные типографии и издательства находятся под контролем государства, по стране закрываются сотни газет, разрешение на публикацию получают только те авторы, благонадёжность которых не вызывает сомнения. Хотя нужно признать, что возможность публичного писательского протеста еще оставалась. Так Декрет о печати 1917 года различные слои интеллигенции встретили однодневной протестной газетой «В защиту свободы слова», в подготовке которой принимали участие такие видные литераторы, как Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб. Выступает со своими «Несвоевременными мыслями» М. Горький, а В. Короленко публикует статью «Торжество победителей». Оба писателя, в царское время обличавшие несправедливость власти, высказались против диктатуры новых властей.

Однако эти протестные мнения были скорее исключением, да и относятся они к самому началу правления большевиков.

Во второй период – с 1922 по 1929 годы происходит некоторая либерализация. Это эпоха нэпа, когда представляется свобода частной инициативы, открываются коммерческие типографии. В этот период публикуются не только авторы, открыто и прямолинейно прославляющие Советскую власть, но и те, чье творчество зачастую мало соответствует официальной идеологии. Выходят, например, произведения С. Есенина, лирический герой которого абсолютно не похож на идеал революционера-большевика. Печатаются акмеисты А. Ахматова и О. Мандельштам. Выходит книга «Конармия» И. Бабеля, в которой совершенно не героически представлены события гражданской войны. Издаются сатирические произведения М. Зощенко. О лояльности цензуры в это время, кажущейся иногда довольно странной, говорит и факт публикации «Повести непогашенной луны» Б. Пильняка. В произведении почти открыто озвучивалась версия уничтожения в результате заговора знаменитого полководца, героя гражданской войны М. Фрунзе, которого воспринимали как конкурента И. Сталина. Возможно, Б. Пильняк и был расстрелян позднее, в 1938 году, именно за эту повесть.

Третий этап советской цензуры – 30 – 40-е годы совпадает со временем сталинского террора, жертвой которого стали многие писатели. Значимым фактом «литературного централизма» и в эту эпоху становится пристальное внимание к художественной словесности первого лица государства – И.В. Сталина. Известно, что в юности будущий диктатор не был чужд литературе: писал стихи и даже печатался в дореволюционной антологии грузинских поэтов. Сталин неплохо разбирался в литературе, и его личное отношение к писателям и их произведениям во многом определило судьбу авторов в этот кровавый период истории. Такие писатели, как О. Мандельштам, А. Веселый, Б. Пильняк, И. Бабель, Д. Хармс, Н. Олейников, А. Введенский, Н. Клюев и многие другие стали жертвами репрессий. Другие погибают, потому что для

них была создана невыносимая атмосфера – их не только не печатали, но и по сути травили в официозной прессе и писательских кругах. Такова была ситуация с М. Цветаевой и Л. Добычиным. Однако были и обратные примеры. Именно личное участие И. Сталина спасает Б. Пастернака, М. Шолохова, А. Ахматову, М. Булгакова.

Следующий период совпадает с хрущёвской оттепелью 1956 – 1964 годов. Для него была характерна значительная либерализация общественной жизни. Издаются авторы, десятилетия находившиеся под запретом. Печатаются произведения, оказавшие мощнейшее влияние на общественное сознание, дающие оценку трагедии, произошедшей со страной. В первую очередь, это «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, сама история публикации которого стала еще одним фактом «литературного центризма». Журнал «Новый мир», куда попала рукопись рассказа, и его редактор А. Твардовский не могли самостоятельно принять решение об издании этого текста. Работа по согласованию разрешения на публикацию растянулась на месяцы. Удивительным с точки зрения нашего времени кажется то, окончательный вердикт выносился Политбюро ЦК КПСС – по сути, высшем государственном органе власти СССР. Решение о публикации состоялось благодаря личному вмешательству Н. Хрущева – первого лица государства. Он симпатизировал А. Солженицыну, возможно, потому что тот обличал в своём творчестве сталинский период, на критике которого строил политическую карьеру Н. Хрущев. Таким образом, художественное произведение вновь воспринималось не просто как факт литературной жизни, его духовное воздействие распространялось гораздо шире – вплоть до политической и идеологической сфер.

«Литературный центризм» в хрущёвскую оттепель проявляется еще и в самой роль, которую приобретает словесность. Это время поэтического бума, когда общество с небывалым интересом следит за событиями литературного процесса. Поэтические сборники ведущих авторов расходятся огромными тиражами, встречи с читателями, которые проходят не только в Москве, но и

в различных провинциальных городах, собирают небывалые аудитории. Сама поэзия в это время становится выразителем духа времени, именно с ней связываются надежды на идеологическое обновление, на преодоление сталинизма и гуманизацию общественной жизни. Неудивительно, что на этом фоне в поэзии возникает несколько значительных направлений, чье влияние ощущалось ещё долгие годы. Это так называемая «эстрадная поэзия» (Е. Евтушенко, А. Вознесенский и др.), «тихая лирика» (Н. Рубцов, В. Соколов), «ленинградская школа» (И. Бродский, Е. Рейн, А. Кушнер, Д. Бобышев), неоавангард (Г. Айги, Вс. Некрасов, И. Холин, Г. Сапгир). И хотя практически все представители этих направлений испытывали проблемы с цензурой, а некоторые были вынуждены впоследствии даже эмигрировать, воздействие на общественное мнение поэзии в это время было как никогда великим.

Говорить об идеологическом и цензурном послаблении в эпоху оттепели можно с некоторой долей условности. Конечно, никакой свободы для писателей не наступило, а власти по-прежнему старались контролировать культуру и литературу. В этом проявилась двусмысленность эпохи. Скандалом мирового уровня в правление Н. Хрущева стала ситуация с Б. Пастернаком, чей роман «Доктор Живаго» без разрешения цензуры был опубликован в Италии, затем переведен на разные языки и стал всемирным бестселлером. Реакция властей была настолько острой, насколько она может быть только в «литературоцентричной» стране: они не могли понять, что «Доктор Живаго» – всего лишь роман, художественный текст, и обвинили писателя в очернительстве революции и измене родине. Начинается публичная травля Б. Пастернака, под угрозой высылки он был вынужден отказаться от Нобелевской премии. В 1964 году в Ленинграде был осужден на пять лет ссылки поэт И. Бродский. Получили широкую известность крайне жесткие публичные высказывания Н. Хрущева в отношении некоторых литераторов (например, В. Аксёнова и А. Вознесенского). Таким образом, власть, подарившая народу надежды на гуманизацию жизни, иногда

поступала в сталинском духе – с той, однако, существенной разницей, что никого из писателей не расстреляли.

Следующий этап начинается с момента отставки Н. Хрущева в октябре 1964 года и продолжается до перестройки. Некоторые послабления периода оттепели сменились «закручиванием цензурных гаек». В это время большое количество русских писателей, не имевших возможность издавать свои произведения на родине, оказываются в эмиграции. Страну покидают, а иногда просто высылаются независимо от желания, такие литераторы, как И. Бродский, С. Довлатов, В. Аксенов, В. Максимов, В. Некрасов, А. Галич, Ю. Кублановский и многие другие. Для ряда писателей, оставшихся в стране, местом их творческого обитания до самой перестройки оказывается андеграунд. Официально их творчество не было признано реже по политическим, чаще по эстетическим причинам: тип героев их произведений, стиль, художественный мир абсолютно не соответствовал канонам социалистического реализма, объявленного ещё в 30-е годы самым прогрессивным методом. Их просто не печатали в официальных изданиях, а все, что им оставалось – самиздат с его мизерными тиражами. По сути произошёл возврат к пушкинской эпохе, когда произведения, заведомо непроходимые через цензуру, десятилетия ходили в рукописном виде.

Период после хрущёвской оттепели – это время активного разрушения аксиологии, лежащей в основе коммунистического сакрального центра. Ему активно способствовали прорвавшиеся в период оттепели и через самиздат правдивые факты о Великой Отечественной войне, коллективизации, революции, которые заставляли переосмысливать всю советскую эпоху. Но главной причиной разложения стало вопиющее несоответствие реалий советской жизни и официально провозглашенной идеологии, которое становилось поводом для рефлексии все большего количества людей. Провалившаяся в оттепель попытка построения «социализма с человеческим лицом» привела к появлению в СССР первых диссидентов. И власть не могла не реагировать на это. Значительным событием, демонстрирующим силу

воздействия советской «институции» на писателей, стал уголовный процесс над Ю. Даниэлем и А. Синявским (1965 – 1966 годы). Литераторы, тайно напечатавшие свои произведения на Западе, были изобличены и получили реальные лагерные сроки.

Интересно, что этот период эволюции советской цензуры начался с громко озвученного требования её отмены. В мае 1967 года А. Солженицын в своём знаменитом письме съезду советских писателей прямо поставил вопрос о цензуре: «Не предусмотренная конституцией потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем Главлита тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно неграмотных людей над писателями. Пережиток средневековья, цензура доволакивает свои мафусаиловы сроки едва ли не в XXI век! Тленная, она тянется присвоить себе удел нетленного времени: отбирать достойные книги от недостойных» [цит. по: 4]. Хотя заявление А. Солженицына было публично осуждено, уже сам факт его говорит о многом – о том брожении, которое начиналось в обществе и которое не могла пресечь никакая цензура. Ничего подобного в 30-е годы и представить было нельзя. А. Солженицына исключили из Союза писателей, до самой эмиграции в 1971 году не печатали, травили в прессе, что только привлекало к нему интерес и создавало миф о борце с режимом. В «литературоцентричной» стране, пожалуй, только писатель, которого традиционно воспринимали как духовного авторитета, и мог быть таким борцом. Его преследовали, но тут рисковал не только писатель, но и читатели: за его самиздатовские книги лишали свободы. Книга (запрещённая) вновь оценивалась самым высоким образом.

Последним всплеском «литературного центризма», совпавшим с концом советской цензуры, стал период перестройки. Провозглашенная М. Горбачевым политика гласности привело к радикальным изменениям в цензурировании как журналистики, так и художественной литературы. Постепенно было разрешено практически все. Начали печататься

произведения долгое время запрещенных авторов Русского Зарубежья (причём тех, кто эмигрировал как в 20-е, так и в начале 80-х годов), тексты писателей андеграунда, русских религиозных философов, западных литераторов. Общественность по инерции искала ответы на насущные вопросы прежде всего в книгах. Тиражи литературных журналов, игравших одну из главных ролей в формировании общественного мнения того времени, поражали. Так, «Новый мир» имел более миллиона экземпляров. Сокрытое прежде знание обрушилось на советского человека, произведя в его сознании, прежде стройном и организованном, настоящую революцию. Произошедший информационный взрыв стал одной из причин крушения коммунистической идеологии и советской системы. Вместе с их крахом закончился и «литературный центризм», существовавший в России как минимум три века.

В новой России, точкой отчета истории которой стал 1991 год, отношения писателя и власти складываются уже совершенно по-другому. Вернее будет сказать, что таких отношений вообще нет. Если власть еще как-то озабочена контролем за средствами массовой информации, имеющими возможность влияния на большую аудиторию (особенно в регионах), то художественная литература оказывается за пределами её интересов. Как отмечает А. Генис, после 1991 года русский писатель впервые оказался один на один с читателем, и теперь уже невозможно собственные эстетические огрехи оправдать деятельностью цензуры. Для того, чтобы выжить в этой ситуации, писатель должен стать современным [1]. Писатели, пытаясь быть современными, обращаются к табуированным ранее темам, используют общенную лексику, экстремальные описания. Значительная часть читателей, воспитанная на произведениях прежних эпох, оказывается неспособной воспринимать подобную литературу. Поэтому словесность не имеет сейчас и десятой части того влияния, которую она имела раньше. Потеря этого влияния, безусловно, объясняется и развитием в России других форм передачи информации и развлечения. Если в СССР существовали только два телевизионных канала, причем один был копией другого, современные

кабельные сети предоставляют несколько десятков. Развивается Интернет и социальные сети. На чтение практически не остаётся времени. Особенно у молодого поколения.

Литературная цензура с начала 1990-х годов практически исчезает. Совершенно спокойно издаются произведения В. Сорокина, Б. Ширянова, Вик. Ерофеева, скандализирующие публику порнографическими описаниями и ненормативной лексикой. То есть моральный и эстетический аспекты не являются причиной для запрета книги. Нет запретов и по политическим причинам. Печатаются художественные произведения радикального оппозиционера Э. Лимонова и его молодых последователей. Показательным является ситуация с романом З. Прилепина «Санькя». Герои романа – молодые люди, участники борющейся против правящего режима современной России экстремистской организации, вызывающие своей честностью и самоотверженностью симпатию читателя. При этом ради своей цели они готовы совершать любые преступления. Роман не только не запрещают за очевидную апологию экстремизма, он номинируется на престижные премии и выдерживает несколько переизданий.

Очевидно, что в потоке издательской продукции даже хорошая, заслуживающая внимания книга имеет все шансы затеряться, не дойти до читателя, остаться замеченной в лучшем случае узким кругом критиков. И неизвестно, что хуже для писателя – борьба с цензурой, запреты или свобода слова, при которой тебя просто не замечают. Так свобода творчества, пришедшая на смену противостоянию власти и цензуре, девальвировало художественное слово, и гамлетовское «слова, слова, слова» вновь оказалось актуальным уже на другом витке истории.

Отсутствие литературной цензуры в современной России обуславливается не именем того сакрального центра, который она должна оберегать. Аксиология современного общества в значительной степени размыта, в ней доминируют ценности потребления и личного благополучия. В лучшем случае писатель, критически оценивая состояние современного

общества, говорит о ценности человеческой личности. Это тоже немало, однако в такой ситуации говорить о великой литературе не приходится. Причем не только в России, но и в других странах. Для великой литературы требуется наличие надличностных духовных смыслов. К сожалению, современная культура предложить их не в состоянии.

Список литературы

1. Генис А. Иван Петрович умер // Беседы о новой словесности. Статьи и расследования. М., 2000. С.23 -31.
2. Жирков Г. В. История цензуры. Раздел 1. XXI век: официальная цензура в условиях становления литературного процесса и журналистики и дифференциации их читательской аудитории // ULR: <http://evartist.narod.ru/text9/37.htm> (Дата обращения: 18.01.2012).
3. Каграманов Ю. М. Метаморфозы нигилизма: О «новых философах» и «новых правых». М.: Политиздат, 1986.160 с.
4. Латынина А. «Пережиток Средневековья» или элемент культуры? // Новый мир. 2008. № 10 / ULR: http://magazines.russ/novyi_mi/2008/10/la10-pr.html (Дата обращения: 26.12.2011).
5. Левченко И. Е. Проблема цензуры в истории зарубежной общественно-политической мысли // ULR: moy-bereg.ru/obschee-literaturovedenie/i-e.levchenko-problema-tsenzuryi-v-istorii-zarubezhnoy-obschestvenno-politicheskoy-myisli-4.html (Дата обращения: 26.12.2011).
6. Скэмелл М. Свобода выражения мнений: Личный взгляд на проблему // ULR: <http://www.hrights.ru/text/b4/Chapter5.htm> (Дата обращения: 27.12. 2011).

IV. NEMO NASCITUR DOCTUS

УДК 882

Лю Гопин
Забайкальский государственный университет,
аспирант
г. Хайлар (КНР)
E-mail:

Метафора в русской прозе: традиции и современность

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования метафоры в русском языке. Художественный текст расширяет языковую картину мира, делая ее более содержательной. Это позволяет увидеть не только стилистические возможности отдельного текста, но и проводить сравнительный анализ.

Ключевые слова: метафора, образ, русская проза, языковой процесс, художественный текст, сравнительный анализ.

Liu Guoping
Trans-Baikal state University,
graduate student
the city of Hailar (China)
E-mail:

Metaphor in Russian prose: traditions and modernity

Annotation: The article discusses the use of metaphor in the Russian language. Art text extends the language picture of the world, making it more meaningful. This allows you to see not only the stylistic features of the individual text, but also to conduct a comparative analysis.

Keywords: metaphor, form, Russian prose, linguistic process, literary text, a comparative analysis.

Метафора имеет древнюю историю, поскольку является основой картины мира. Многие метафоры становятся концептуальными, как, например, метафора «любовь – огонь». Данный метафорический образ

известен и в других славянских языках, а также в индоевропейских. Ритмизация и метафоризация и лежат в основе художественного пространства. В 70-80-е годы XX в. появился термин «метафора», а в конце XX – начале XXI в.в. стало возможным говорить о языковом процессе «уход в метафору». Получается, что роль метафоры усиливается, усложняется. О разнообразии современных метафор пишут многие исследователи. Например, Г.Д. Ахметова, анализируя язык современной прозы, выделяет различные виды метафор, рассматривая их как компоненты текста: метафоры-образы, постмодернистские метафоры, неинтертекстуальные метафоры, метафоры-сравнения, живые метафоры [1].

Характерный для современной прозы антропоцентризм метафор и сравнений наблюдается, например, в прозе 60-х годов XX в. А. Рекемчук использует подобные метафоры: «Темной заплаткой застыл в небе квадрат запоздалого бумажного змея, будто его там позабыли и ушли спать»; «Зубы Марка улыбались (они всегда улыбались), а глаза тосковали»; «Надрывно выл мотор. Выл по-человечески, словно маясь зубами, и потому люди каждым нервом отзывались на его усилия»; «Мотор и вправду простудно чихал, туберкулезно кашлял, обиженно фыркал и, пофыркав,дох».

В русском языке существует множество средств, которые используются для построения образов, для образований новых лексических значений. Новое значение слова может возникнуть, например, путем переноса названия по сходству предметов или их признаков. Исследование метафоры становится значительным. Изучаются ее стилистические возможности, семантика и функции, закономерности метафоризации, устройство метафорического знака. Исследование метафоры имеет давнюю историю. Конец XX века отмечен не только резким увеличением количества работ в исследовании метафор, но и переводом объекта в другую парадигму исследования, что открыло новые перспективы для рассмотрения метафоры как элемента языка и мышления. В предыдущие периоды метафора рассматривалась преимущественно как средство создания образности в языке и способ

«украшения» речи, т.е. в рамках риторики, поэтики, стилистики и теории литературы. В 70-е годы началось активное изучение метафоры в парадигмах когнитивной лингвистики, психолингвистики, которое показало: метафора является необходимым, «неизбежным» элементом языка, потому что она представляет собой такой способ осознания мира, без которого человек не может обойтись.

Наиболее сложной проблемой в изучении метафоры является вопрос употребления ее в художественном тексте, изучение ее функции в языковой композиции. Очевидно, метафора может быть рассмотрена как компонент языковой композиции, поскольку языковая композиция – это динамическое изменение точки зрения. Можно сказать, что читатель в тексте не только получит информацию, но и чувство красоты, поэтому метафору иногда называют языком поэзии

В рассказе «Бег в степи» Г. Копытина (этот писатель является учеником А. Рекемчука) используется много метафор, например: «А в тусклой вечерней мути как плавучая тоска шел не привеченный пока берегом паром»; «Осень дышала черным господством воды и тёмными глыбами гор. На берегу уже пророчески горел маяк... »

В прозе Захара Прилепина используются глагольные метафоры, антропоцентризм которых связан с когнитивным переходом: «Когда взвизгнул дверной звонок, у меня резко зашепило сердце, даже в затылке отдалось несколько раз, и щеки стали жаркими»; «Входная дверь, раскрытая братиком, долго запускала сквозняк, но наконец захлопнулась»; «На улице мы застали дождь, и я размазал его по лицу, а черноголовый поселил в волосах. Волосы его стекали по щекам».

Разнообразие метафор художественного текста отражает поистине разностороннюю языковую картину мира. Метафора играет незаменимую роль в тексте. Она сделает монотонное выразительным, сделает сложное простым абстрактное конкретным. Она употребляется в произведении и существует в нашей жизни, она сделает наш язык тексты более красивыми,

выразительными. Вместе с тем важно отметить и то, что роль метафоры в языковой композиции во многом определяется точкой зрения героя или персонажа.

Самый известный китайский писатель и прозаик Чжу Цзыцин считает, что если в прозе отсутствует метафора, можно говорить, что это произведение уже не считается идеальным. В тексте Чжу Цзыцина постоянно употребляется метафоры, например: «Весна как ребёнок, который только родился, с головы до ноги все новые, она растёт...»; «весна как нарядная девочка, плачет, ходит...»; «весна как крепкий юноша, имеет железные руки и ноги, ведёт нас вперёд...». Здесь автор использовал ряд живых, выразительных метафор, показывая читателю бестелесную, невидимую весну в образе живого человека. Ещё, например: «Чистота, нежность, спокойность Луны, как лицо спящей красавицы» и так далее...

Метафора и в русской литературе, и в китайской литературе играет чрезвычайно важную роль – она позволяет и показать отношение автора к описываемому предмету (явлению), и обрисовать с помощью метафоры образ, и даже сравнить несколько образов на основе метафор. Несомненно, что без метафор значение пришлось бы передавать в нескольких строках то, что можно сказать в двух-трех словах, и главное – потерялась бы та яркая образность.

Список литературы

1. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX – XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.

V. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ, СООБЩЕНИЯ

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ» В ЗЕРКАЛЕ СИБИРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Шпенглеровская картина мировой истории в его книге «Закат Европы», вышедшей в свет в мае 1918 года, не оставила равнодушным ни одного из читателей, соприкоснувшихся с нею. В среде университетских профессоров бытовало мнение, что данный труд может быть оценен как наиболее значительная философия истории со времен Гегеля, миром обывательским само название книги воспринималось как «Гибель Титаника», а некая дама даже написала автору письмо, где честно сообщила, что хотя книгу и не прочла, но, тем не менее, спрашивала совета, куда теперь следует вкладывать ценные бумаги.

Небывалый успех книги побил все рекорды. К 1920 году первый том «Заката Европы» на всех языках уже насчитывал 32 издания.

Книга Шпенглера вышла в свет в то время, когда Россия переживала острый момент духовно-политического кризиса. В нашей стране первый том был издан вначале на немецком языке. Однако размышления Шпенглера, во многом созвучные с русской философией, с раздумьями славянофилов, Ф. Достоевского, Н. Данилевского и Вл. Соловьева, настолько завладели вниманием образованного московского общества, что было решено выпустить сборник посвященных ей статей. Этот сборник под названием «Освальд Шпенглер и "Закат Европы"» вышел в 1922 году. Сборник содержал статьи Н. Бердяева, Букшпана, Ф. Степуна и С. Франка. Ознакомившись с этим сборником, В.И. Ленин дал о нем отрицательную рецензию («литературная белогвардейщина»).

Все авторы сборника в том же, 1922, году были высланы из России.

А в 1923 году первый том «Заката Европы» был издан на русском языке в Москве. Одним из редакторов издания был А.М. Деборин (Иоффе). Он автор предисловия к этой книге, выдержанного в жестких тонах. Тогда же в

нескольких номерах журнала «Современный Запад» была опубликована в сокращенном виде еще одна статья О. Шпенглера «Пруссачество и социализм».

В наше неоднозначное время интерес к О. Шпенглеру возродился вновь. Философская общественность с глубоким удовлетворением отметила немаловажное культурное событие – выход в свет полного русского издания труда Освальда Шпенглера (Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 667 с.; Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 607 с. Перевод с немецкого, вступительная статья и примечания К.А. Свасьяна. Тираж 50000 экз.). После этого книга О. Шпенглера выпускалась в свет еще и в новосибирском издательстве. Были выступления и в общественной публицистике. Так, в журнале «Новый мир», № 11 за 1999 год, помещена публикация Валерия Сендерова «Заклясть судьбу? Злободневность Освальда Шпенглера». Автор утверждает, что после того как «не вписывающаяся в оптимистическую перестройку мира профессура была посажена на "философский пароход", ... спорить о Шпенглере в России надолго стало некому». Единственная статья о Шпенглере была напечатана в "Вопросах литературы" в 1968 году (№ 1). Эта статья называлась «Морфология культуры Шпенглера» и ее автором был С.С. Аверинцев. Валерий Сендеров в своей публикации сообщает, что в том же, 1968, году группа студентов была исключена из нескольких вузов за публичное обсуждение книг Ницше и Шпенглера – убедительное свидетельство того, что в брежневское время отношение властей к философии Шпенглера не претерпело никакого изменения с 1922 года.

Но жизнь шла, появлялись новые работы и новые авторы, и в умах людей вопрос о Шпенглере отнюдь не был снят в 1922 году. Во многих провинциальных городах, в Сибири, в Чите, наконец, интеллигенция продолжала активно мыслить и после «философского парохода».

В журнале «Сибирские Огни» (№ 1-2 за 1923 год), когда в Москве «спорить о Шпенглере было некому», публикуется весьма объемная (более двух п.л.) статья В. Немчинова «Эстетическая теория общества», где достаточно квалифицированно и обстоятельно разбираются взгляды Шпенглера по его работам «Закат Европы» и «Пруссачество и социализм». Вывод, разумеется, в духе времени: «Возврата к старому нет. Идут трудовые рати мозолистых и властных рук. Вместе с ними идеалистическая философия покинет своё последнее убежище – социальные явления, – и в области социального знания воцарится такое же строгое мышление и точное знание, как в науках о природе. Такие, хотя и чрезвычайно талантливые и художественные книги, как "Закат Европы", последние в своем роде».

Далее имя Шпенглера в журнале встречается еще несколько раз. Оно упоминается в статье Валериана Правдухина «Литература о революции и революционная литература» (под рубрикой «Искусство и жизнь»). Автор прибегает к нему в критике произведений Ильи Эренбурга и Бориса Пильняка. Понятно, что имя Шпенглера «на устах» – оно незримо присутствует, им пользуются для выражения мыслей, оно стало неотъемлемой частью сознания интеллигента-журналиста.

Но и это еще не всё. В Чите, бывшей в то время столицей Дальневосточной республики, с 1922 года издается журнал «Наш путь», ежемесячник Дальбюро ЦК РКП. В восьмом номере журнала за 1923 год публикуется статья Ф. Куклярского (Абашева) «Кладбищенский пророк», посвященная изложению и критике взглядов Освальда Шпенглера. Уже одно название позволяет в определенной степени судить о содержании этой статьи. Ранее статья нигде не публиковалась и даже не упоминалась. Публикуется впервые.

Кто такой Федор Федорович Куклярский? К сожалению, исчерпывающе ответить на этот вопрос пока не представляется возможным. Годы его жизни – 1870-1923. Известно, что он является автором нескольких книг, одна из них имеется в фонде Областной библиотеки им. Пушкина, вышла в свет в Чите.

Книга называется «Критика творческого сознания. Обоснование антиномизма». На титульном листе книги указана выпускающая организация – Труды Философского Общества при Государственном Институте Народного Образования. (Чита, 1923. Т. 1). Такой институт в Чите был, в том же 1923 году переведен во Владивосток (публикация В. Солонько в «Забайкальском рабочем»). Кроме того, ему принадлежат работы: Философия индивидуализма. СПб., 1910; Последнее слово: К философии современного религиозного бунтарства. СПб., 1911; Осужденный мир: Философия человекоборческой природы. СПб., 1912; Философия культуры: Идеалы человеческой культуры в свете трагического миропонимания. Кн. 1. Культура и познание. Пг., 1917. О дальнейшей личной судьбе Ф. Куклярского нам ничего не известно. Исследователь истории Забайкалья В. Василевский высказывает предположение, что Куклярский мог эмигрировать в г. Харбин, куда впоследствии выехали многие представители интеллигенции Забайкалья.

Говоря о книге Ф.Ф. Куклярского, следует отметить, что подобная философская литература у нас с 1922 года уже не издавалась, как не издавались труды многих представителей старой философской интеллигенции. Не издавалась не потому, что плохая, а просто не ко времени – метафизика. Известна рецензия на эту книгу в том же, упомянутом нами выше, журнале «Сибирские огни». Автор рецензии, подписавшийся инициалами Г. Ч., отзывается о книге Ф. Куклярского в высшей мере доброжелательно и любопытно: «Настоящая книжка представляет из себя одну из многочисленных попыток вывести философскую мысль из гносеологического тупика, куда ее загнал блаженной памяти Кант, а по мнению автора даже Сократ. Попытка не бесталанная, подчас блещет острым анализом... Но нужно ли вообще искать выхода из философских тупиков? Спекулятивная философия давно обречена на бесплодие, следовало бы оставить в покое эту почтенную девственницу и заняться другим, более

полезным и нужным делом». По стилю чувствуется специалист, по нашему предположению, вероятнее всего, это Георгий Челпанов.

Кстати, на публикуемую статью Ф. Куклярского, да заодно и на его философскую книгу уже в десятой книжке журнала «Наш путь» появилась погромная четырнадцатистраничная рецензия, подписанная некоей А. Казаковой – автором многих статей "на злобу дня", предположительно, административным работником областного масштаба. Оказывается, в нашей далекой Чите цензура над философией тоже не дремала. О философском уровне этой цензуры, впоследствии вылившейся в диктат свыше над всей отечественной философской мыслью, может убедительно свидетельствовать только одна фраза, которую мы приводим ниже:

"Прежде чем приступить к изложению сущности философии Шпенглера, считаю нужным оговориться, что в виду полнейшей невозможности достать подлинный его труд, в дальнейшем буду пользоваться главным образом статьей Деборина "Гибель Европы или торжество империализма", отчасти же подлинными цитатами Шпенглера, приводимыми в разных журнальных статьях».

В заключение считаем необходимым поблагодарить сотрудников Государственного архива Читинской области и Областной библиотеки им. А.С. Пушкина за бескорыстную и доброжелательную помощь, чуткое и внимательное содействие в успешных поисках источников, благодаря которым и могла появиться данная работа.

Итак, внимание, уважаемые коллеги! Перед Вами статья, ранее «неведомая свету», которую философ Федор Федорович Куклярский сдал в августовский номер журнала «Наш путь» в далеком двадцать третьем году.

Публикацию подготовили к.филос.н. В.А. Иванов,

к.филос.н. В.В. Куликов

Опубликовано: «Гуманитарный вектор». Чита, 2000. № 2 (7).

КЛАДБИЩЕНСКИЙ ПРОРОК

(Освальд Шпенглер)

Она (буржуазия), прежде всего производит таким образом своих собственных могильщиков.

К. Маркс («Капитал», т. I, стр. 758)

I

Предпосылки

Через семьдесят лет после того, как Маркс написал «Коммунистический Манифест», «могильщик» буржуазии – пролетариат – взялся за свое революционное дело, и одновременно буржуазный идеолог, устами Шпенглера, разыграл свою последнюю роль, – роль пророка конца, «заката» того мира, от имени которого он так громко заговорил. Само собой разумеется, что классовое самосознание буржуазии, самонадеянно усматривающее в себе носителя последних слов и последних исторических решений, встретило Шпенглера, как трибуна смерти всей европейской культуры. Утомленная и разодранная на части буржуазия нашла в Шпенглере пророка, показывающего миру оборотную, черную сторону социалистического движения, – «вскрывающего» в последнем хорошо знакомое пруссачество во всех его претензиях на мировую роль. Накануне политического, социального и культурного краха господствующего класса появляется человек, заверяющий, что гибель этого класса означает и гибель всех ценностей, всех культурных достижений Европы. И ему верят, ему не могут не верить, все те, для кого мир начинается и кончается вместе с буржуазией. О безграничности буржуазного самоослепления, о полном отупении ее критического классового чутья, за которым чувствуется

безотчетный страх перед наступающим на мир «веком варварства» – вот о чем говорит нам тот блестящий, триумфальный успех книги Шпенглера, о котором так шумят сейчас в печати и «обществе». Как энциклопедист XX века, Шпенглер охватывает и усыпляет самосознание буржуа блестящим и пестрым круговоротом «идей», среди которых мы находим, прежде всего, старых знакомых: идеализм, фатализм и национализм. Над ними же, как "дух над бездной", с начала до конца носятся бесконечные пророчества, предубаждения, предостережения, предвидения...

При ближайшем рассмотрении весь энциклопедизм Шпенглера оказывается пустым, бескровным, мертворожденным, ибо весь он слишком прозрачен: через него так хорошо видно знакомые нам прусские «ходули», на которые опирается Шпенглер в своем маниакальном пророчестве «конца», «финала», «гибели»...

Можно быть уверенным, что всякий революционный марксист, пожелавший отдать себе отчет в том, о чем собственно свидетельствует современная шпенглеромания, легко вскрыет подлинные источники указанного пророческого пафоса. Можно быть уверенным, что эта новая «падающая звезда» на почерневшем небосклоне буржуазной идеологии – не надолго утешит ее банкротствующих представителей и покажет им – уже в который раз! – всю бесплодность игры в апокалипсические идеи.

Бессильная сдвинуться с мертвой точки тупика, в который загнал ее семьдесят лет бродивший по Европе призрак коммунизма, – буржуазия топчется на одном месте и пытается "пустить пыль в глаза" тем, кто пришел ее похоронить. Но классовое самосознание революционного пролетариата, из «призрака» превратившегося в угрожающую действительность Коминтерна, настолько окрепло и отлилось в настолько твердые, боевые формы – что даже целый легион "шпенглеров" окажется бессильным создать какой-нибудь идеологический уклон в удобном буржуазии направлении. Поэтому, не с этой точки зрения следует подходить к Шпенглеру.

Для марксиста Шпенглер и шпенглеромания в буржуазной среде представляют предмет иного интереса – интереса в смысле изучения тех перипетий самоизживания буржуазии, в которых для пролетариата открываются все более и более широкие возможности революционно-культурного творчества. В лице энциклопедиста Шпенглера марксист может видеть своего современного антипода, во всем его настоящем вооружении, – что касается идеологии, и не было еще более отрадного для пролетариата зрелища предмогильной ущербленности его когда-то могущественного врага, чем развернутая перед ним картина шпенглерового шатания мысли от «мировой тайны» к прусскому шовинизму. Недаром же сам Шпенглер, выдавая себя с головой, утверждает, что тема «Пруссачество и социализм» является «зерном всей его философии»¹. Показать марксистский социализм, как извращение и отрицание прусской «идеи», и показать «старопрусский дух», как подлинный, единственный и полножизненный социализм – вот какую задачу пытается Шпенглер разрешить в указанном «зерне своей философии».

Из этого видно, до какой степени обмелело классовое самосознание Шпенглера: оно выродилось, разложилось в самый беспардонный прусский шовинизм. Может ли кого-нибудь обмануть такой мутный, даже грязный источник всех грозных пророчеств Шпенглера? Может ли весь его многокрасочный энциклопедизм оказаться более, чем бутафорией и пышным маскарадом «идей», прикрывающим костлявую наготу кандидата на «вечный покой»? Мы можем сказать только одно: если *так*, и *только так*, современная буржуазная идеология отвечает на ту революционную действительность, которая говорит языком «Коммунистического Манифеста», и которая выявила себя на полях великой Совроссии, – то для

---

¹ См. Шпенглер. «Пруссачество и социализм», изд. Akademia, Петерб., ст. 5.

революционного пролетариата открываются перспективы столь же блестящие, сколь темен язык его врага.

II

Идеализм и Шпенглер

Как уже указывалось, идеализм является первым словом Шпенглера, причем все своеобразие его выражения, а также многочисленные оговорки, имеющие место у Шпенглера, нисколько не умаляют правильности характеристики Шпенглера, как, прежде всего, – идеалиста. Даже не выходя за пределы настоящего популярного изложения воззрений Шпенглера, не трудно показать их идеалистическую закваску. Классической системой идеализма является, как известно, учение Платона о двух мирах, из которых один – мир идей – отличается постоянством, вечностью и истинностью, а другой – мир опыта, мир конкретный – отличается непостоянством, иллюзорностью, только видимостью. Для Платона воспринимаемый нами мир вещей был только образным отражением мира идей, почему и познание всякой вещи для него означало познание ее в идее, – в том, что в ней есть вечного, неизменного, истинного.

Совершенно сходно мыслит и Шпенглер, с той лишь номинальной разницей, что платоновскую «идею» он называет «пра-феноменом». «Пра-феномен, это – то, в чем идея становления в чистом виде лежит перед наблюдателем. Гете ясно усмотрел своим духовным оком идею пра-растения в образе каждого отдельного растения»¹. С этой точки зрения за каждым видимым нами экземпляром растения, как чего-то преходящего, смертного, скрывается «идея» или «пра-феномен» растения, как чего-то неизменного, бессмертного, вечно существующего вне нашего восприятия. А так как носительницей «идей» для Платона и Шпенглера является «душа», то с

---

¹ Шпенглер. «Закат Европы», пер. Гарелина, т. I, стр. 112.

«душою кончается и мир»². Из этого же делается и тот вывод, что поскольку существует много «душ», много «умов», постольку же должно существовать и много миров. «Существует столько же миров, сколько людей и культур»³.

Обращаясь к истории, к исторической действительности, Шпенглер последовательно проводит тот же идеалистический взгляд. «Нет никакой исторической действительности, для всех людей существующей и одинаковой»⁴. Мало этого, если «вселенная была продуктом человеческого разума»⁵, и если, с другой стороны, этих "разумов" столько же, сколько людей, то в нашей науке, в нашем знании мира все оказывается так данным только для того или другого отдельного человека, а не для всех них. «Даже миру чисел, – утверждает Шпенглер, – не чуждо личное»⁶, так что, строго говоря, математик существует столько же, сколько существует культур и людей.

Отсюда следует, что "гибнет всякая мысль, всякий догмат, всякая наука, когда угасают души и умы, в мирах которых их «вечные истины» с необходимостью переживались, как нечто непреложное»⁷. Отсюда же вытекает и вывод, что «мир, как абсолют, как вещь в себе, есть предрассудок»⁸. Шпенглер при этом совершенно не озадачивает себя вопросом, почему мир есть «предрассудок», а его «душа», «идея» и т.д. есть «истины»? Он все время и неудержимо катится по наклонной плоскости идеализма, и в то же время старается забаррикадировать себя от него путем различения своего "физиогномического", созерцательно-чувственного метода от метода «систематического», рассудочно-логического.

До какой степени точка зрения классовых противоречий и классовой борьбы, как определяющего культурного фактора, остается чуждой

---

² Там же, стр. 176.

³ Там же, стр. 166.

⁴ Там же, стр. 164.

⁵ Там же, стр. 164.

⁶ Там же, стр. 167.

⁷ Там же, стр. 170.

⁸ Там же, стр. 178.

Шпенглеру, это видно из его понимания источников хозяйства. «Всякая хозяйственная жизнь является выразительницей жизни душевной»⁹ – говорит он, вновь и вновь устанавливая все на сыпучих песках какой-то загадочной «души».

Большой скептик в иных случаях, он в своем идеалистическом подходе к явлениям внутренней жизни человека остается самым прямолинейным догматиком. Как известно, это почитание «идеи» и «души» всегда было лишь оборотной стороной богопочитания, подобно тому как идеализм всегда был лишь вывернутой наизнанку теологией. Подтверждение этому мы находим и у идеалиста Шпенглера. «Я утверждаю, – возвещает он, – что в основании всякого "знания" природы, хотя бы и самого точного, лежит религиозная вера. Нет естествознания без предшествующей ему религии»¹⁰. Поскольку же, не смотря на это, современная наука идет явно в разрез с религиозностью, постольку Шпенглер спешит пророчествовать: «Европейская наука идет навстречу самоуничтожению»¹¹. «Конец западной науки», по мнению Шпенглера, «может быть ныне с уверенностью предусмотрен»¹², и именно потому это возможно, что религия для Шпенглера является сердцем культуры: конец религии для него означает конец культуры и начало цивилизации.

Как мы видели, между идеализмом Платона и «морфологией» Шпенглера есть прямая, непосредственная связь. Более слаба связь Шпенглера с Гете, хотя он и уверяет, что «философией этой книги я обязан Гетевой философии»¹³. Шпенглер часто берет у Гете то, что ему нужно, но внутренне остается чуждым органическому мировосприятию Гете. Связывает их только пантеизм, как мировоззрение религиозной окраски. «Все боренье есть вечный покой в господе боге» – говорит Гете. «Это – имманентная

---

⁹ Шпенглер. «Деньги и машина», стр. 17.

¹⁰ «Закат Европы», т. I, стр. 385.

¹¹ Там же, стр. 440.

¹² Там же, стр. 439.

¹³ Там же, стр. 49.

логика всех религий» – подтверждает Шпенглер¹⁴. Религии здесь придается самодовлеющее и основоположное значение, что, конечно, вполне отвечает основным требованиям идеалистического мировоззрения.

Гораздо больше связи у Шпенглера с современным модным философом Анри Бергсоном, и можно было бы на многих примерах показать, что основные мысли «теории познания» Шпенглера оказываются почти дословным повторением тех же мыслей А. Бергсона. Однако это выходит из рамок настоящей популярной статьи.

III

Фатализм в «философии истории» Шпенглера

«Центром моего построения служит идея судьбы» – заявляет Шпенглер, противопоставляя эту идею «идее причинности»¹⁵. И все же, нужно признать, этот «центр» весьма двусмысленно и смутно освещен Шпенглером. Связывая с временем «судьбу», а с пространством – «причинность»¹⁶, и утверждая, что «судьба и причинность относятся др. к др. как время и пространство»¹⁷, Шпенглер отождествляет понятия «судьбы» и «времени» с понятием «собственности», индивидуальной принадлежности. «Собственное, судьба, время – суть заменяющие друг друга слова»¹⁸. Понятие «судьбы» получает, таким образом, весьма пестрое содержание и означает, взятое в плане исторического приложения, неизбежность, предрешенность, предопределенность известного хода событий. Отдельный человек, личность, с этой точки зрения, является только покорным рабом все и всех тиранизирующей «судьбы». «У нас нет свободы достичь того или иного, но нам предоставлено делать необходимое или ничего. А задача, которую

---

¹⁴ Там же, стр. 141.

¹⁵ Шпенглер. «Пессимизм ли это», стр. 20.

¹⁶ Там же, стр. 21.

¹⁷ «Закат Европы», стр. 122.

¹⁸ Там же, стр. 126.

поставила необходимость истории, найдет свое решение в союзе с отдельной личностью или против нее»¹⁹. Но как именно мыслит себе Шпенглер эту «необходимость истории»? «Мировая история это суд над миром», а суд этот может означать только «кровь» и «цезаризм»²⁰. В сторону европейского цезаризма – вот куда тянет легковерных Шпенглер, вот какие перспективы для него являются единственно приемлемыми, фатальными для европейца. Здесь, на твердой почве родной ему Пруссии, нашел он будущего «цезаря» и, опьяненный своими империалистическими надеждами, пытается к этому же прусскому знаменателю свести и все многообразие исторической эпохи вообще, и социализм – в частности. В этом-то Шпенглер и усматривает «собственную идею судьбы европейской культуры», которая «есть не что иное, как осуществление и образ одной определенной (скажем фаустовской) души»²¹. «Мы называем это предопределением, случаем, роком, судьбой, античный человек – Немизидой, ананке, тихе, фатум, арабы – кисмет, и другие – другими именами, причем ни один не может переживать ощущения другого, чья жизнь является выражением собственной, принадлежащей тому, другому, идеи»²².

Из этих слов Шпенглера не трудно видеть, в чем именно, в каком понятии, у него выражается связь между идеализмом и фатализмом. Это – понятие «собственного», отъединенного, чего-то совершенно особенного, в себе замкнутого и собой ограниченного. Это – «собственная идея» той или иной культуры, которая не может быть преодолена или видоизменена никакой логикой фактов и событий. Как идея «растения» вообще определяет собой все возможности видов и подвидов растительного мира, точно также «собственная идея» данной культуры, скажем – европейской, окончательно предопределяет весь строй, все возможности и конечный результат этой культуры.

---

¹⁹ Шпенглер. «Деньги и машина», стр. 174.

²⁰ Там же, стр. 74.

²¹ «Закат Европы», стр. 133.

²² Там же, стр. 133.

Так фатализм оказывается у Шпенглера вплетенным в его идеализм, так мечтающий пруссак вдруг оборачивается в своей книге то «скептиком», для которого «человечество – пустое слово», то «релятивистом», для которого «нет вечных истин», то, наконец, идеалистом, для которого существуют только «душа» и «души». Что же касается той связи, в которую у Шпенглера поставлены понятия «судьбы» и «времени», то здесь мы находим определенное влияние воззрений А. Бергсона, для которого время, как «длительность», есть единственная реальность, одушевляющая собой весь мир.

IV

Культура и цивилизация

Излагая специальные философско-исторические взгляды Шпенглера, нам необходимо сделать одну существенную оговорку, а именно: в смысле последовательности мысли соответствующая аргументация Шпенглера отличается «хромотой на обе ноги», и потому характеристика этих его воззрений неизбежно будет несколько мозаичной, внутренне обрывистой. Для примера достаточно указать хотя бы на то, что для Шпенглера человечество является то «пустым словом»²³, то «лишь зоологической величиной»²⁴, то «высшим человечеством, как органическим единством»²⁵, с последующим делением его на «отдельные виды высшего человечества»²⁶, и т.д. Если подобное разноречие имеет место в главном и буквально всеопределяющем пункте Шпенглеровой «философии», то читателю уже не трудно представить себе соответственное многообразие в оценках и мыслях, детализирующих основное положение: «всемирная история ... есть группа до

---

²³ Там же, стр. 19.

²⁴ «Пессимизм ли это?», стр. 31.

²⁵ «Закат Европы», стр. 47.

²⁶ Там же, стр. 177.

сих пор восьми высоких культур»²⁷, причем «у каждой культуры ... есть свой совершенно особый вид истории»²⁸ и «каждая культура неизбежно должна иметь свою собственную судьбу»²⁹.

Хотя одновременно с этим, и вопреки всему этому, тот же Шпенглер заверяет нас, что «все культуры, за исключением египетской, находились под опекой более древних культур»³⁰, тем не менее его основной взгляд на историю, как на ряд самодовлеющих, не связанных между собой культурных типов, должен остаться в силе. Только исходя из этой основной мысли можно понять и тот «физиогномический» или биографический метод исследования исторических явлений, которым постоянно пользуется Шпенглер. «Настоящий портрет, в духе Рембрандта, есть физиогномика, есть история. Ряд его портретов есть не что иное, как чисто гетевская автобиография. Так должны быть написаны биографии великих культур»³¹. И далее: «культуры суть организмы. История культур – их биография»³².

Такой метод возможен лишь постольку, поскольку признается, что «в своем внутреннем существе культуры остаются замкнутыми»³³. Главное преимущество этого метода Шпенглер усматривает в том, что только при его наличии птоломеевская точка зрения на историю заменяется коперниковской. «Нам кажется, – говорит Шпенглер, – XIX столетие бесконечно богаче и важнее, чем XIX столетие до Р. Х., но ведь и луна кажется нам больше, чем Юпитер и Сатурн. Физик давно освободился от предрассудка относительного расстояния, историк еще не сделал этого»... «Освободить историю от личных предрассудков наблюдателя», имеющего своей целью поставить «случайную современность» в центр истории – «вот цель последующего изложения»³⁴.

---

²⁷ «Пессимизм ли это?», стр. 24.

²⁸ «Закат Европы», стр. 135.

²⁹ Там же, стр. 133.

³⁰ Там же, стр. 213.

³¹ Там же, стр. 108.

³² Там же, стр. 111.

³³ «Пруссаки и социализм», стр. 21.

³⁴ «Закат Европы», стр. 101.

Но как вообще возможно осуществление такой задачи, и как сам Шпенглер мыслит это осуществление, если он в другом месте утверждает: «Невозможно усвоить себе силами собственной души исторический аспект мира чужих культур»³⁵. Во всей «философии истории» Шпенглера нет более слабого места, чем это.

Однако оставим критику до последующего изложения и попытаемся проследить дальнейший ход мыслей Шпенглера. Задаваясь целью построить «морфологию всемирной истории, мира как истории»³⁶ и применяя для этой цели свой «физиогномический» или биографический метод исследования прошлых и современных культур, Шпенглер рассматривает, прежде всего, математические «миры» двух культур – античной и современной, западно-европейской, при этом указывает на то, что вообще «существует несколько миров чисел... Мы встречаем индийский, арабский, античный, западно-европейский числовой тип, каждый *совершенно* своеобразный, в котором отражается сущность именно этой и *никакой другой души*»³⁷. Основное отличие античного математика от западно-европейского Шпенглер характеризует следующим образом: «Античный математик знает только то, что он видит и может осязать. Там, где кончается ограниченная и ограничивающая видимость, постоянная тема его размышлений, там же кончается и его наука. Западно-европейский математик, освободившийся от античных предрассудков и вступивший на самостоятельную дорогу, удаляется в совершенно абстрактные области бесконечных числовых множителей *n* количества – не только 3 – измерений, где его так наз. геометрия может, и в большинстве случаев принуждена, обходиться без какой-либо помощи наглядности»³⁸.

Установив отличие западно-европейского математического мышления от античного, чему Шпенглер придает особое значение в виду

---

³⁵ Там же, I, стр. 135.

³⁶ Там же, стр. 3.

³⁷ Там же, стр. 65.

³⁸ Там же, стр. 90.

основоположной научной роли математики, – Шпенглер затем ищет тех же элементов несходства, отличия и во всех областях античного и европейского мирознания и жизневосприятия, как-то в областях поэзии, философии, драмы, музыки, религии и т.д. В настоящем популярном очерке нет никакой возможности изложить все мытарства шпенглеровской аргументации по различным разрезам истории культуры, и потому мы ограничимся только несколькими штрихами, характеризующими особенность всего подхода Шпенглера к явлениям исторической жизни. Методологическое противопоставление природы истории – вот что здесь является у Шпенглера главным. «Природа и история – вот два крайних, противоположных способа приводить действительность в систему картины мира. Действительность становится природой, если все становление рассматривать с точки зрения ставшего; она есть история, если ставшее подчинить становлению»³⁹. И далее: «История и природа противостоят *в нас* др. др., как жизнь и смерть, как *вечно становящееся* время и *вечно ставшее* пространство»⁴⁰. Шпенглер хочет этим сказать, что в то время, как природа, являющаяся предметом изучения точных наук, показывает исследователю *постоянную, неизменную* («вечно ставшую») повторность известных процессов, история, изучаемая социально-философскими науками, напротив открывает перед нами «все происходящее», как «совершающееся один раз и никогда не повторяющееся»⁴¹, как, другими словами, «вечно становящийся» поток событий.

Проводимая здесь точка зрения на историю почти буквально заимствована у современного немецкого философа Г. Риккерта⁴², и потому нам нет нужды останавливаться на этой стороне мировоззрения Шпенглера. Гораздо больший интерес вызывают к себе основные воззрения Шпенглера, когда он переносит их на почву современности, в частности, когда он

---

³⁹ Там же, стр. 102.

⁴⁰ Там же, стр. 160.

⁴¹ Там же, стр. 102.

⁴² См. его «Границы естеств.-научного образования понятий».

высказывается о современной русской культуре. Если еще можно, при известном ограничении, согласиться с положением, что «в качестве находящейся в возникновении перед нами культура русская»⁴³, то уже совершенной нелепостью звучит следующая пророческая благоглупость: «с боязнью и ненавистью русский взирает на тираннию колес, проволок и рельсов... Когда-нибудь он все это вычеркнет из своей памяти, удалит из своей среды»⁴⁴.

Эти строки Шпенглера являются весьма плохой аттестацией ему самому, как «философу» и «пророку», и невольно возникает весьма основательное сомнение в вескости и обоснованности его «характеристик» и «биографий» иных культур. Шпенглеру, повидимому, все еще снится Россия за столетие до наших дней, и эти-то сновидческие картины он делает фоном своего пророческого пафоса. Подозрительный "пророк" подозрительного времени! Но наше невольное недоверие еще более растет, когда мы знакомимся с двусмысленным освещением и двусмысленной оценкой того «заката», финала культуры, который у Шпенглера называется «цивилизацией». В самом подходе Шпенглера к определению роли и характера «цивилизации» чувствуется сильный диссонанс мыслей. Усматривая самое сердце всякой культуры в ее религиозном пафосе, подчеркивая необходимость созерцательного, интуитивного и «физиогномического» вникания в ее существо, – Шпенглер наряду с этим пытается заверить читателя в своем самом положительном отношении к цивилизации, ее «духу», ее достижениям. «Созерцатель, – утверждает теперь Шпенглер, – внутренне далек от жизни»⁴⁵, и потому нужно отдать все пальмы первенства «жизненному и практическому направлению мышления»⁴⁶. «Мне кажется, – заверяет нас ренегатствующий по отношению к самому себе Шпенглер, – излишней каждая строчка, которая написана не для того, чтобы

---

⁴³ «Закат Европы», стр. 113.

⁴⁴ «Деньги и машина», стр. 70.

⁴⁵ «Пессимизм ли это?», стр. 17.

⁴⁶ Там же, стр. 19.

служить деятельной жизни»⁴⁷. Это говорит тот самый горе-идеалист, для которого «с душою кончается и мир», – для которого всякая «жизнь является выражением собственной идеи», – для которого «хозяйственная жизнь есть только выражение жизни душевной».

Оставив берега культуры, которая только что была так высоко вознесена над «цивилизацией», Шпенглер теперь, очутившись в тисках «цивилизации», спешит очернить, идеологически уничтожить ценности культуры и, напротив, возвеличить существо и стремления «цивилизации». «За поразительно ясные, высоко интеллектуальные формы быстроходного парохода, сталелитейного завода, машины для изготовления предметов, требующих точности, за тонкость и элегантность иных химических и оптических приемов я отдам всю стильную чепуху современной художественной промышленности, с живописью и архитектурой в придачу»⁴⁸. Можно ли хотя бы на минуту поверить в искренность этих новых восторгов, этих гримас с высоты новых ходуль? Конечно, у Шпенглера имеются и для данного случая «оговорки» и «примечания», но они бессильны стусевать общее впечатление «надрыва», надломленности и растерянности нашего «пророка». Если «цивилизация», как конец и «лебединая песня» культуры, была для Шпенглера печалью и смертью, то каким образом она могла в той же книге, только на других страницах, обернуться радостью и жизнью?

V.

Национализм и социализм

С еще большей силой чувствуется та же ходульность, та же надорванность мысли, когда Шпенглер пытается растворить все социалистическое движение в своем прусском национализме. Признав, что

---

⁴⁷ Там же, стр. 17.

⁴⁸ «Закат Европы», стр. 43.

«по прошествии определенного ряда столетий всякая культура неизбежно превращается в цивилизацию»⁴⁹, Шпенглер задается затем вопросом об отношении, существующем ныне между социализмом и цивилизацией, – вопросом, на который он отвечает в стиле своего прусского шовинизма. «Старопрусский дух и социалистическое настроение суть одно и то же»⁵⁰. «Фридрих Вильгельм I, а не Маркс был первым сознательным социалистом»⁵¹. «Что пруссак осуществил в своем государстве, то немецкая философия построила как теорию социализма»⁵². Хотя Шпенглер утверждает, что в «социализме есть более древние, более сильные, более глубокие черты, чем те, которые содержит марксова критика общества»⁵³, тем не менее мы тщетно искали бы у Шпенглера более прямых указаний, о каких «чертах» здесь идет речь. Только хорошо знакомые черты воинственного пруссака, пожелавшего иметь «место под солнцем», глядят на нас отовсюду, со всех страниц книги Шпенглера. Какая-то особенная «глубина» указанных «черт» остается под сомнением и в силу утверждения Шпенглера: «Социализм, это – политический, социальный и хозяйственный инстинкт реалистически настроенных народов, ступень нашей цивилизации, а не культуры, ибо последняя окончилась около 1800 года»⁵⁴.

Подлинным и победоносным для Шпенглера является только социализм, идущий *под прусским знаменем*. С этой точки зрения западно-европейская цивилизация означает социализм, а социализм означает торжество «старопрусского духа» и «цезаризма». «Все должны, – вещает Шпенглер, – либо приспособиться к *нашему* политическому, социальному и хозяйственному идеалу, либо погибнуть. Это сознание присуще всем нам – от Варшавы до Сан-Франциско. Но оно присуще *только* нам. Античного,

---

⁴⁹ «Пруссачество и социализм», стр. 22.

⁵⁰ Там же, стр. 6.

⁵¹ Там же, стр. 37.

⁵² Там же, стр. 45.

⁵³ Там же, стр. 5.

⁵⁴ Там же, стр. 22.

китайского, русского социализма в этом смысле не существует»⁵⁵. Этот пророческий бред оттеняется еще более, когда Шпенглер утверждает, что «социализм потерпел в немецкой революции очень тяжелое поражение»⁵⁶, и когда он противопоставляет немцам «русских революционеров, которые вовсе не ставили во главу своей программы трусость перед внешним врагом»⁵⁷.

Как же это могло случиться, – спросим мы, – что законодатель и верховный водитель социализма (т.е. пруссак) оказался «тяжело пораженным», а «несуществующий русский социализм» оказался, в результате революционных испытаний, не только победителем на русских полях, но и цитаделью мирового социалистического движения в лице Коминтерна? И о каком же единстве социалистического фронта от Варшавы до Сан-Франциско может идти у Шпенглера речь, когда он сам заверяет нас в том, что «максимум и минимум сверхличной, социалистической идеи государства, государство и отсутствие государства, – вот что такое Англия и Пруссия... Каждый за себя: таков английский, все за всех: таков прусский девиз»⁵⁸. Еще больше растерянности обнаруживает Шпенглер, когда он переходит к уяснению причин поражения немецкой революции и когда, вслед за тем, пытается освободить социализм от марксизма. «В бебелевской партии было нечто солдатское, отличающее ее от социализма всех других стран, в ней был гремящий шаг рабочих батальонов, спокойная решимость, дисциплина... Но душа партии отлетела в тот момент, когда ее более интеллигентные вожди бросились в объятия своему вчерашнему врагу – мещанству, из страха перед ответственностью, в момент, когда на них падала обязанность не нападать на действительность, но творить ее. Здесь – впервые!

---

⁵⁵ Там же, стр. 23.

⁵⁶ Там же, стр. 56.

⁵⁷ Там же, стр. 19.

⁵⁸ Там же, стр. 31.

– марксизм и социализм, теория классов и общественный инстинкт разошлись. Некоторая доза честности была только у спартаковцев»⁵⁹.

Нельзя не согласиться с данной здесь едко-иронической характеристикой создавшегося в Германии положения, но только отвлекаясь от самого Шпенглера, в устах которого эта характеристика звучит насмешкой прусского империалиста над движением, враждебным его старопрусскому «духу». Любопытны и последующие строки: «Всякий настоящий немец – рабочий. Таков весь стиль его жизни. *Сила была в руках у марксистов*. Но они добровольно вышли в отставку»⁶⁰. А дальше вывод: «Все это доказывает, что "четвертое сословие" – отрицательное по своему существу – не может действовать как творческая сила»⁶¹. Вывод этот – вывод слепого идеолога буржуазии, для которого уже давно утеряна возможность открытого взгляда на вещи и события. Действительно жалкие результаты немецкой революции, идеологически ущербленной «ревизионистами» и действительно ущербленной «старопрусским духом», могли бы, кажется, навести Шпенглера на правильный путь распознавания предательской прусской накипи, но... для этого он должен был бы сначала отказаться от своего культа прусского кулака, т. е. от самого себя.

Шпенглер, как мы видим, избирает обратный путь и обрушивается на марксизм, как вскрытый – о ужас! – ящик Пандоры. Характерно в этом отношении, прежде всего, постоянное сопоставление марксизма и английского образа мысли, – сопоставление, так много говорящее со времени последней войны всякому немцу-шовинисту. «Маркс мыслит совершенно по-английски»⁶². «Маркс приписал "пролетариату", четвертому сословию, прусскую мысль социализма и "буржуазии" (которая, к слову сказать, для Шпенглера "только слово"), третьему сословию – английскую мысль

---

⁵⁹ Там же, стр. 11.

⁶⁰ Там же, стр. 11.

⁶¹ Там же, стр. 13.

⁶² Там же, стр. 62.

капитализма»⁶³. И далее: «Материалистическое понимание истории лишь заключительная глава философии, корни которой восходят к английской революции»⁶⁴, «Только капитализм английского стиля является противоположностью социализма английского стиля»⁶⁵. А далее, уже непосредственно по адресу марксизма, высказываются такого рода суждения, которые легче всего было бы приписать обитателю желтого дома. Например: «Маркс учит презрению к труду»⁶⁶; «он привил пролетариату неуважение к работе»⁶⁷; «марксизм – это капитализм рабочего класса»⁶⁸; «Маркс – это литература»⁶⁹ и т. д. Шпенглер негодует, что «работа для Маркса товар, не долг: в этом ядро его политической экономии»⁷⁰. Марксисты сильны по его мнению «только в своем отрицании, в области же положительного они беспомощны. В конечном итоге они выдают, что их учитель был только критиком, а вовсе не творцом»⁷¹. Что же касается материалистического понимания истории, то в нем Шпенглер усматривает только "taesti monium paupertatis" (свидетельство бедности) современной цивилизации. «Материалистическое понимание истории, полагающее экономические условия как причину и религию, право, нравы, искусство, науку как следствия, имеет в себе, в эту позднюю эпоху, несомненно нечто убедительное, так как оно обращается к мышлению нерелигиозных и лишенных традиций людей больших городов: не в том смысле, что хозяйственное положение действительно есть "причина", но в том, что искусство и религия стали бессильны, пусты, внешни и действительно оказываются как бы тенью...»⁷²

---

⁶³ Там же, стр. 60.

⁶⁴ Там же, стр. 63.

⁶⁵ Там же, стр. 43.

⁶⁶ Там же, стр. 63.

⁶⁷ Там же, стр. 64.

⁶⁸ Там же, стр. 65.

⁶⁹ Там же, стр. 69.

⁷⁰ Там же, стр. 65.

⁷¹ Там же, стр. 5.

⁷² Там же, стр. 68.

Каков же выход из этого положения, дозу какого лекарства должен проглотить мир для того, чтобы ожить? На этот вопрос Шпенглер отвечает сплошным пророческим двусмыслием. С одной стороны – «суровость, римская суровость – вот что начинается теперь в мире... Пусть будет искусство – но из бетона и стали; пусть будет поэзия, но мужей с *железными нервами* и холодным пронизательным взором»⁷³; с другой же стороны – «конец западной науки ныне может быть с уверенностью предусмотрен»⁷⁴, «мы умрем сознательно и проследим все стадии *собственного разложения*»...⁷⁵

С одной стороны – новое искусство, «железные нервы», и «пронизательный взор», с другой – «конец науки», смерть, «собственное разложение». Вывод напрашивается сам собой: очевидно, *кто-то* действительно будет обладать «железными нервами», и *кто-то* будет занят «собственным разложением»; очевидно, *кто-то* будет создавать новое искусство, новую культуру, а *кто-то* – умирать и пророчить... Кто же это и – кто? Революционный пролетариат хорошо знает ответ, и не его могут смутить шпенглеровские панихиды и причитания.

VI

Критические замечания

Мало-мальски обстоятельная критика «философии» Шпенглера не входит в нашу задачу. Поэтому мы ограничимся немногими замечаниями относительно самой постановки философско-исторической задачи у Шпенглера и вытекающих из этой постановки следствий отрицательного характера. Как помнит читатель, Шпенглер не усматривает в явлениях исторической жизни *преемственного нарастания* некоторых общечеловеческих, культурных ценностей, а видит, напротив, *только ряд*

---

⁷³ «Пессимизм ли это?», стр. 39.

⁷⁴ «Закат Европы», I, стр. 439.

⁷⁵ Там же, стр. 439.

изолированных друг от друга, внутренне замкнутых, культур, которых он и насчитывает пока восемь. В то же время основную задачу своей морфологии истории он усматривает в проведение твердых, незыблемых границ между различными типами культуры, например, аполлонийской (античной) и фаустовской (западно-европейской) культурой.

Весь аппарат шпенглеровской аргументации с начала до конца приурочен к полаганию таких границ, осуществляющему, по мнению Шпенглера, коперниковскую точку зрения на историю. Из этого следует, что, поскольку Шпенглер, как человек только одной культуры, задается целью *определить содержание и границы целого ряда культур*, постольку он сам, своим личным примером, опровергает свой тезис о совершенной замкнутости каждой культуры, – замкнутости, предполагающей ее совершенную непроницаемость для человека иной культуры, каковым и является Шпенглер. Поскольку же Шпенглер попытался бы остаться до конца верным своему основному принципу – разобщенности культур, их одиночеству, – постольку он не мог бы не отказаться от той задачи, решение которой считает целью своей книги.

В противном случае он оказался бы *«Коперником» для всего и всех, но «Птолемеем» для самого себя*, – весьма жалкий и каррикатурный результат огромных усилий! Кто может отличаться настолько доверчивой натурой, чтобы поверить Шпенглеру, что он, *и только он один*, обладает по праву *монополией* опознания существа и границ различных культур, в том числе и той культуры, к которой он сам принадлежит? Ведь, для этого Шпенглеру нужно было бы предварительно превратиться в какого-нибудь бесплотного и бессмертного «духа», тысячелетиями носящегося над «бездной» исторической жизни, а, главное, для этого ему нужно было бы (это уже вне всякого сомнения!) расстаться с излюбленным «старопрусским духом» – жертва, на которую, как мы видели, Шпенглер никогда не отважится.

Из этого не трудно видеть, что шпенглеровская постановка задачи исключает возможность ее решения, подобно тому, как мы не можем взлнзть

на дерево, которое только что сами спилили. Провозглашенная Шпенглером изолированность или чересполосность культур *исключает наличие какого-либо пункта спайки* между ними, а *без такого пункта спайки, без такого мостика*, – все путешествие Шпенглера по восьми культурам, все его вехи, границы и пророчества относительно современной культуры – оказываются, по просту говоря, философской сказкой XX-го века.

Гора, как мы видим, родила мышь, т мышь эта – наша старая знакомая: все еще покоряющая (не на яву, так во сне!) мир Пруссия.

Стоит ли говорить после этого о достопримечательной шпенглеровской «критике» марксизма, – «критике», за которой чувствуется слабоумие класса, наблюдающего "собственное разложение" и одновременно, под гипнозом Шпенглера, смакующего всеобщий «конец», общую «гибель»...

«Закат Европы» оказывается, даже при самом беглом взгляде на вещи, *закатом буржуазии*; шпенглеромания же последней есть не более, как «лебединая песня» умирающего класса.

Поразительный энциклопедизм Шпенглера, охватывающий все, начиная с высшей математики и кончая историей гимнастики, оказывается, при ближайшем рассмотрении, последним или предпоследним вздохом агонизирующего капитализма.

Не менее исключительное шовинистическое затворничество Шпенглера-пруссака, оттачивающего свою шпагу в ожидании «близящегося цезаризма», только лишний раз показывает, до какого идеологического маразма дошли лучшие представители буржуазии XX-го века.

Наконец, весь шумный триумф Шпенглера, вся эта услаждающая «общество» шпенглеромания – только оттеняет, только воочию показывает неограниченное господство кладбищенских настроений, охвативших буржуазию, как только "призрак коммунизма" воплотился в угрожающую реальность «могильщика» буржуазии.

В угаре кладбищенских настроений не мог не родиться и кладбищенский пророк.